

Денис
МИРОНОВ-ТВЕРСКОЙ
г. Санкт-Петербург

Мстинские знаменосцы

новелла

От автора

В 2009 году жители Мстинского сельского округа Удомельского района Тверской области передали мне как журналисту стопку документов. Все материалы (и рукописные, и печатные) в совокупности являли собой свидетельство страшной беды русской деревни — массового разорения когда-то крепких колхозов, долгие десятилетия кормивших страну. Сегодня клеветают, будто советские колхозы были «обузой» народному хозяйству, «ярмом» на шее у трудового крестьянства. Как правило, эту глупость распространяют интеллигентные городские господа, не имеющие никакого представления о сельском хозяйстве в России, его истории и укладе. Я учился в Аграрном университете, часто общался с преподавателями, специалистами-практиками и просто рядовыми колхозниками-крестьянами на тему обвала нашего агропрома в нынешней России. То, что это — катастрофа, влекущая за собой не только пагубные экономические, но и чудовищные последствия социального и даже культурного характера, — понятно всем людям, знающим русскую деревню.

Я изучил врученные мне материалы и уже хотел было писать очерк о гибели Мстинского колхоза. Но ко мне обратились сами селяне, передавшие документы, и объяснили, почему нежелательно предавать огласке ту информацию. (Писать об этих причинах я здесь не буду, не хочу ворошить «сельский улей».) Я свое слово сдержал. Однако оставил за собой право дать ход этим сведениям в художественной форме, а именно в литературном произведении.

Признаться, ещё на стадии предварительного изучения тех записок меня поразил один факт: в ходе хищнического разорения громадного Мстинского колхоза было продано и колхозное знамя. Не то чтобы специально, из идейной пакости, а так — мимоходом — сбыли знамя по дешёвке, и всё.

Однако этот, казалось бы, малозначительный факт представился вдруг мне событием знаковым. Уходит большая эпоха — светлая. Наступает времечко — тёмное. У меня сразу родился замысел повести, и название появилось само собой — «Мстинские знаменосцы».

С уважением ко всем читателям,
Денис Миронов-Тверской

1

Председатель колхоза Сашко Дорошниченко и Николаха Торопов часто ссорились (дай только повод!) и наконец-то снова помирились. Николаха прежде и сам председательствовал в колхозе. Однако при нём колхозное добро стало быстро таять. Когда от коллективного имущества остался один пшик, Николаха сбавил свой пост Сашко и укатил на жительство в райцентр, где у него чудесным образом появилась трёхкомнатная квартира. Взошедши на престол, Сашко вдруг понял, что стал наследником развала. Он потребовал вернуть хотя бы старый «уазик». Николаха сначала упирался и спорил. Но после как-то подобрел и решил поделиться автомобилем. К тому же возник повод для мировой: подвернулась возможность выгодно сбить колхозную разруху.

Колхоз имени чекиста В.Р. Менжинского был когда-то большим и богатым. И расположено хозяйство удачно. Земельные угодья, без малого 14000 гектаров, раскинулись вдоль берега Мсты-реки, посередине долгого русла. Течёт-петляет красавица Мста полтысячи километров между Питером и Москвой по тверским да новгородским землям. Много по Мсте колхозов. Но таких ладных хозяйств, как колхоз-передовик имени Менжинского, по пальцам перечесть. Великими трудами отстроены здесь были две школы, пять детских садов, общественные бани, клуб и библиотека. В торговом центре работала столовая, где бесплатно кормили обедом механизаторов, комбайнёров, шофёров — всех, от кого зависели посевная, заготовка кормов. Даже бомбоубежище было — на случай войны. Помнили мстинцы военное лихо. Немало работало в хозяйстве фронтовиков — все люди заслуженные, ветераны.

— Значит, пиши, — диктовал Сашко бухгалтерше предпродажную опись. — «По состоянию на первое января тысяча девятьсот девяносто девятого года в колхозе Менжинского имелось пашни две тысячи шестьсот га. Из них продано питерскому МЖК тысяча двести».

— Писать, что за пять тысяч рублей продали? — сонным голосом спросила бухгалтерша.

— Ты что, с ума сошла? — встрял Николаха. — Пиши: продано, и всё.

Сашко мерным шагом курсировал из угла в угол конторского помещения и лужгал семечки.

— Правильно, — кивнул он. — Дальше. По состоянию на две тысячи восьмой год осталось тысяча четыреста га, не пригодных к использованию. Всё заросло хорошим дровяным лесом. Сенокосы — тысяча га, пастбища восемь тысяч га, и прочее — всё сплошной лес.

Сашко Дорошниченко и Николаха Торопов всегда понимали друг друга. Они были почти ровесниками — обоим немногим за сорок. И взгляды как будто общие, и интересы. А вот наружностью рознились. Сашко высокий, поджарый, голова кудлатая, с чубом, нос длинный, уточкой, глазки-вишенки глядят хитро. Николаха приземистый, кражистый, череп лобастый, коротко стриженный, черты лица грубые, словно тёсанные.

— Теперь дальше пиши, — продолжал Сашко, поплёвывая в кулак шелухой. — «С целью ликвидации задолженности колхоза продано: двенадцать ферм...»

— Со скотом? — уточнила бухгалтерша.

— Без скота, — пояснил Николаха, — скота уже не было.

— Пиши «без скота», — согласился Сашко. — Дальше. «Продан телятник на сто голов за десять тысяч рублей».

Бухгалтерша изумлённо поглядела на председателя:

— Маловато. На телятнике ведь только шиферу было на двадцать тысяч.

— Пиши чего говорят! — прикрикнул на бабу Сашко. — Теперь так. Закрыты и проданы все мастерские и гаражи. В разделе убытков отметь зерносушилку. Ну, ту, что сгорела от молнии в две тысячи втором.

— В две тысячи третьем, — поправил Николаха.

— Ну да, — подмигнул ему Сашко. — Туда же и двадцать тонн зерна. Всё сгорело.

Председатель подошел к окну. Стекло пыльное, мутное, засиженное мухами. Сашко толкнул оконную створку. Рама скрипнула, но не поддавалась. Сашко чертыхнулся и двинул сильнее. Створки со скрежетом распахнулись. Свежий воздух ворвался в контору, вытеснил затхлость благоуханием весны. Сашко жадно распустил ноздри, отчего нос его ещё больше стал похожим на широкий утиный клюв. Махом, как се-

ягель, Сашко пустил по ветру семечную шелуху.

В прозрачном небе носились ласточки. Полноводная Мста-река, окончательно пробудившись от зимней дремоты, стремительно уносила вдаль остатки ледолома. Голые рощи и перелески вдоль реки волновались и шумели, словно стесняясь своей наготы. Прелая земля натужно бугрилась и просила сева.

— Надо бы в протоколе отметить, — предложил Сашко, — что последняя посевная сорвалась по причине пожара. Всего пятьдесят га удалось засеять с грехом пополам.

— И это при попустительстве замглавы района Петрова, — поддержал Николаха. — Мы сколько раз за помощью обращались!

Сашко отвернулся от окна, заложил руки в карманы, покачался из стороны в сторону и опять зашагал по конторе. Он двигался как маятник, шатался от одной стены к другой. Николаха сидел возле облезлого металлического сейфа, барабанил по двери пальцами и прислушивался к гулким звукам пустоты.

Бухгалтерша слюнула листы предпродажной описи:

— Итого, всё по нулям. Кажется, ничего не осталось.

Сашко остановился напротив стены с портретом Менжинского. Старый портрет в черной застекленной раме, покрытой дешёвым битумным лаком, висел здесь давно, ещё с довоенной поры.

— Надо было переименовать колхоз, — сказал вдруг Сашко.

— Чего? — смутился Николаха.

Бухгалтерша удивлённо застрекала ресницами.

— Переименовать надо было, конкретно, — повторил Сашко, не отрывая взгляд от портрета. — Назвали бы колхоз именем Путина. Тоже чекист.

— И чего? — усмехнулся Николаха.

Сашко повернулся к Николахе и поднял указательный палец вверх:

— Назвали бы и в областную администрацию дунули. Не дал бы губернатор колхозу с таким именем загнуться. Деньжат подбросил бы и прочее.

Николаха фыркнул и потянулся за сигаретами. Сашко опять зашагал по конторе. Бухгалтерша перевернула последнюю страницу описи.

— Постойте, — пробормотала она. — Выходит,

не всё обнулили. Одна учётная единица осталась.

— Какая ещё, к чёрту, единица? — возмутился Николаха.

— Учётная единица. Вот, — ткнула пальцем в строку бухгалтерша, — колхозное знамя, парадное, красный бархат, одна штука. Мы о нём забыли. Оно уже лет восемь за шкафом валяется... Ну, хранится то есть.

Николаха затушил окурок. Сашко уже двигал шкаф.

2

«Уазик», надрывно фыркающая, кое-как тащилась по страшной грунтовой дороге, раскисшей и ухабистой. Машину вёл Сашко. Он цепко держал баранку, лихо выкручивая руль. «Уазик» лавировал между ямами. Сашко вытягивал шею, пристально, как пилот во время пике, следил за опасной дорогой. На нём была лётная кожанка, потому председатель совершенно походил на авиатора. Рядом ёрзал на сиденье Николаха. Он почти смирился с мыслью, что уже не владеет «УАЗом», однако по старой хозяйской привычке продолжал жалеть «железного коня».

— Давай правее, — нервничал Николаха, — здесь посуше.

— Всю дорогу убили, сволочи, — злился Сашко. — Зимой строили, в мёрзлый грунт щебень зарывали. Вот теперь и поплыло. Кто же зимой строит!

— Чего на строителей катишь? Ты же сам в бульдозеристы собрался.

— А куда ещё? — вскипел Сашко. — Всё власть районная. Дороги разворовали, колхозы разорились. Куда ещё, скажем, труженику податься?

Впереди у развилки показались пёстрые фигуры. Люди устанавливали на разъезде большой поклонный крест. Невдалеке на обочине сыпал искрами костер, над пламенем паровал котелок.

Подъехав ближе, Сашко и Николаха узнали одного из работавших — невысокого, сухопарого человека лет пятидесяти с лишком, одетого в чёрный подрясник. Это был местный пастырь отец Власий. Ему помогали какие-то мужики в казацких костюмах. Сашко и Николаха вылезли из машины, поздоровались. Отец Власий оставил работу, отер шапчонкой потный лоб. Казаки угрюмо побрели к костру ворошить угли.

— Ну, чего вам? — спросил пастырь.

— Да мы это, — мялся Сашко, — хотим вам материю предложить... в виде знамени.

Развернули знамя. Отец Власий пощупал бархат и заулыбался, показывая золотые зубы. Было видно, что пастырь доволен.

— Хорошая материя, — заключил он. — На аналой пойдёт. Спаси Господи, добрые люди. Да не оскудеет рука дающего!

Отец Власий начал бережно сворачивать знамя. Сашко и Николаха переглянулись.

— Только мы это, — мусолил Николаха, — мы материю-то продаём... ну за деньги, значит.

Пастырь перестал улыбаться.

— Сколько?

— Три тысячи.

Отец Власий резко сунул знамя обратно Николахе, поглядел на обоих с укоризной:

— Э-эх, и не совестно вам просить деньги у святой церкви? Откуда у батюшки деньги?

Сашко понял, что сделка не состоится, и перестал мяться.

— Таки прямо и нету! — рассмеялся он и кивнул на огромный поклонный крест дорогой заводской работы, точёный, с фаянсовыми вставками в виде икон: — А это откудава?!

— «Откудава»! — передразнил пастырь. — Это благодетели прислали, благотворители. Не такие, как некоторые... Они таких крестов уже с полтыщи установили по всей Руси-матушке.

— А вот сколько каждый такой стоит? — спросил Сашко. — Наверно тысяч пять?

— Двадцать тысяч! — ответил пастырь, словно выплюнул. — Каждый!

Сашко так и ахнул. Он медленно обошёл крест, погладил его.

— Двадцать тысяч, — повторил он с трепетом. — Живут же люди! Вот так вот р-раз двадцать тысяч — и коту под хвост! Да-а, могут себе позволить...

— Э-эх! «Могут себе позволить»! — окончательно рассердился отец Власий. — Они оттого и могут, что почитают святую церковь. Сказал же вам: не оскудеет рука дающего! Э, да ну вас!

Пастырь снова запыхтел под крестом. Казаки вернулись от костра и также взяли за дело.

Сашко и Николаха покатили своей дорогой дальше, в направлении станции.

— «Не оскудеет рука дающего»! — усмехнулся Сашко. — А сам-то поп взял у дачников денег в

прошлом годе, обещался часовню на старом кладбище поправить. Тысячу долларов, говорят, взял. И всё! Тю-тю! Часовня так и стоит набекрень.

— Значит, не оскудеет рука берущего! — гаркнул Николаха.

Оба расхохотались.

3

В полдень приятели прибыли в станционный посёлок, центр сельского округа.

«УАЗ» остановился возле коммерческого магазина. Это был бревенчатый дом с крашеным крыльцом, над которым висела на верёвках самодельная вывеска. На ступенях крыльца сидел подвыпивший мужик в рабочей шапке со шнурками на затылке.

— Вчера хоккей смотрели? — спросил мужик, едва ворочая языком.

— Не-а, — брехнул Николаха.

— Наши шведам проиграли.

— Хорошо, — не слушая мужика, бросил на ходу Сашко и толкнул дверь магазина.

В магазине жужжал потребитель. За прилавком стоял хозяин заведения — Фёдка Дудко, коренастый, плотный как колобок, налитой как яблочко. На кассе работал его компаньон по прозвищу Киса, высокий седой дядька, свирепый, как цепной кобель. Киса лаял на местных алкоголиков за долги и безденежье.

Сашко и Николаха остановились против Фёдки, поздоровались с ним.

— Здравсте, — изобразил улыбку Дудко, черные глазки его масляно блестели.

— Дело есть, Фёдка, — негромко проговорил Сашко, оглядываясь по сторонам.

— Ну?

Сашко подался вперёд, чуть наклонился над прилавком, жестом поманил Фёдку.

— Ну?! — бычил Фёдка.

— Чего ты «ну» да «ну», — огрызнулся Сашко. — Дело есть, не для чужих ушей...

Фёдка сделал вид, будто наклонился.

— У нас знамя имеется на продажу, — шепнул Сашко. — Большое, красный бархат. Недорого отдадим, две с половиной тыщи. Возьмёшь?

Фёдка медленно отклонился назад и зевнул:

— Не-а, не возьму. К тому же и дорого.

— Да ты прикинь, торговля, — наседали Сашко, тряс над прилавком кудлатым чубом. — Тебе же выгода конкретная! Материя крепкая, добротная. Повесишь на окна как шторы или бабе своей подаришь.

— Даже поп хотел купить, — подхватил Николаха. — Только денег у него не хватило.

— Сказал: не надо! — отмахнулся Федька. — Предложите Сергуне, может, он возьмёт.

Сергуня Беляш слыл первым вором в округе — рецидивист, трижды судимый за кражи.

— Да были мы у него, — покривился Сашко. — Беляш сам не знает, куда барахло сплавить. Говорит: полный дом металлолома — самовары, тазы, провода... Настоящих покупателей мало, а в скупку, говорит, сдавать невыгодно. Опять же, кризис... Может, всё-таки возьмёшь знамя-то?

Федька помотал головой и, не желая продолжать разговор, стал рассеянно глядеть по сторонам. Он глянул в окно и увидел подъезжающую к магазину «Ниву» главы сельсовета. Машина резко остановилась, из неё выбрался толстяк, похожий на жабу, приземистый, чернявый, как цыган, с красным мясистым лицом, с сизым носом. Это был глава сельсовета по прозвищу Терминатор. Что-то гневно выкрикивая, он обежал машину, рывком распахнул пассажирскую дверь и стал грубо выпихивать из салона бабу с сигаретой во рту. Баба вылезла из салона, зыкнула на главу, точно гавкнула, и матросской походкой поплелась в сторону поселкового Дома культуры.

— О! — кивнул Федька на окно. — Предложите знамя Терминатору, у него зарплата хорошая. Говорят, пятьдесят тысяч себе назначил. Так что бабки есть, знамя купит.

Сашко и Николаха поспешили к выходу.

4

Терминатор был в крайне плохом настроении. Точнее — вне себя от ярости.

— Чего бушуешь? — спросил Сашко, протягивая главу руку. Николаха угостил главу куревом.

— А ну их всех к псу! — скрипел зубами Терминатор.

— Ты это про кого? — удивился Николаха.

Вокруг них, на площадке у магазина, никого не было, если не считать подвыпившего мужика в шнурованной шапке, который теперь дремал на

крыльце. Только вдалеке у вокзала мелькали оранжевыми жилетками рабочие.

— Жалобу на меня накатали, гады! — глава нервно выхватил из кармана засаленного пиджака бумагу. — Вот... коллективная жалоба, двести подписей.

Сашко и Николаха уставились на бумагу, будто заинтересовались:

— Ну и чего тут?

— Вот, — ткнул в листок Терминатор, — «глава администрации округа — убийца простого народа!»

— Да иди ты! — отпрянул Сашко. — Что, так и написано?

— Я тебе что, брехать буду?! — злился глава. — Вот читай: «он превратился в убийцу всего живого и неживого в районе». Это про меня, значит! Всего живого и неживого!

— Да-а, дела... — промывчал Николаха.

— Тут и про главу района, и про евонного зама тоже, — продолжал Терминатор. — «При содействии главы района Кушнера, по его прямому указанию, в нашем округе уничтожены все службы и хозяйства... не работает баня, забита колонка... автобусы отменены и не ходят, просим открыть вокзал, замерзаем на улице... Непомерная плата за электроэнергию. Просим разобраться, почему жителям района после прихода нового губернатора каждый год увеличивают плату за свет на тридцать, а то и на пятьдесят процентов».

— Ты гляди, — толкнул плечом Николаху Сашко. — На губернатора, гниды, замахнулись!

Терминатор выплюнул окурок, отёр ручищей жирный рот:

— Тут дальше опять про меня и Кушнера: «Главная их задача побыстрее отправить на тот свет оставшихся в живых пенсионеров. Людей они считают какой-то движущейся массой. Старикам разрешают готовить дрова, предварительно оплатив по шестьдесят три рубля за кубометр ольхи или гнилой осины, берёза запрещена. Многие пенсионеры мёрзнут в своих домах. Пенсий не хватает на еду. Народ в районе стонет от безнадёжности и произвола. Больницы в сельской местности закрыты... Очень стыдно и обидно за тех, кто придумал такой метод отправки на кладбище оставшихся в живых тружеников — кормильцев русского народа, крестьян, работавших всю жизнь бесплатно как в войну, так и

после...» Ну, это ладно... И в концовке: «Лжеруководители района, опомнитесь! Что вы делаете с людьми в деревнях!» Видали?! Лжеруководители... Опомнитесь... А я ещё перед выборами старухам на автобусе разрешил покататься... Бесплатно! До кладбища и даже обратно!

Терминатор перевёл дух.

— Да, — посочувствовал Николаха. — Вот так работаешь-работаешь для людей, сил не жалеешь, стараешься, а они тебя же потом мордой в дерьмо. Быдло оно и есть быдло.

— А кому ябеду отправили? — спросил Сашко.

— Пока в район, но грозят и выше... вот, — глава опять сунул нос в бумагу: — «Помогите нашему горю...» Нет, не то... Вот: «Решите вопрос побыстрее, иначе будем писать жалобы в область, президенту Медведеву, премьер-министру Путину и в газету «Комсомольская правда». — Терминатор скомкал жалобу, сунул листок в карман. — В газету будут они писать! Суки! Мало мне дачников-шелкоперов, так и эти туда же — в газету! Научила их советская власть грамоте, теперь всякая падаль пишет!

Терминатор умолк, точно подавился желчью, взял ещё сигарету. На ступеньках очнулся мужик в шнурованной шапке. Он отёр глаза и через икоту поздоровался с главой сельсовета. «А ну ты к псу!» — прикуривая, прошипел Терминатор.

— Кстати, про советскую власть, — сказал вдруг Сашко. — Тебе знамя не нужно? Продаём.

— Чего? — поморщился Терминатор.

— Знамя продаём, — заговорщицки понизил голос Сашко. — Вон в машине лежит. Красный бархат, полторы тыщи. Федька Дудко просил, да мы не продали. Разнесёт по округе, душа торговая. Знамя-то колхозное, сам понимаешь.

Терминатор поглядел через грязное стекло в салон «УАЗа». На заднем сиденье среди хлама лежало в четверть сложенное пурпурное полотнище. Глава увидел серп и молот.

— Нет, не надо, — квакнул он. — Да и на кой ляд оно мне?

— Повесишь в правлении, — предложил Николаха.

— Ты что?! — вспузырил глаза Терминатор. — Красноту эту, с молотком и серпягой?! Я же сейчас это... ну в другой партии, — глава показал значок на лацкане пиджака. — У нас же теперь трёхцветный флаг. Вон висит!

Терминатор указал пальцем в сторону сельсовета. Здание администрации едва виднелось, загороженное почтовым отделением и другими постройками. Однако трёхцветный флаг Российской Федерации, реявший над сельсоветом, отчётливо маячил на фоне небесной сини.

— Хорошая вещь, ценная, — сказал Сашко, любуясь государственным флагом. — Такой знаешь сколько стоит? Пять тысяч.

Терминатор встрепенулся, зорко поглядел на флаг, потом на Сашко:

— Да ладно!

— Я тебе конкретно говорю — пять тысяч, — заверил Сашко. — Я в городе видел в одной лавке сувенирной, интуристовской. Точно такой же флаг — пять тысяч рублей.

Терминатор опять поглядел на трёхцветное полотнище, прищурил глаз, поскрёб подбородок.

— А то купил бы у нас знамя, — канючил Сашко, — вдруг власть переменится?! Подумай.

— Вот если переменится, тогда и думать буду. Вы лучше с этой тряпкой к пасечнику езжайте, к Пантелеичу. Он старый коммуняка, наверняка купит.

Сашко и Николаха полезли в «УАЗ». Расселись молча. Долго ёрзали на сиденьях, кряхтели, устраивались поудобнее. Когда Сашко уже хотел было выжать педаль газа, в кабину постучал Терминатор. Приятели радостно переглянулись. Сашко залыбился, приоткрыл дверцу:

— Ну, чего?

— Слышь, — глухо проговорил Терминатор. — А где эта лавка, где её найти?

— Какая лавка?

— Ну сувенирная, ты говорил, интуристовская.

— А, ты об этом... — Сашко перестал зубоскалить. — Да пошутил я, нет никакой лавки.

— Тьфу, брехло! — рывкнул Терминатор и пнул дверцу машины.

— Сам ты брехло! — крикнул Сашко, выжимая газ.

— Убийца простого народа! — зарычал Николаха. «УАЗ» сорвался с места и помчал.

Дом пасечника Пантелеича громоздился на взгорке — от прочих изб поодаль, а к реке близко. Прежде дом походил на большой ков-

чег: продолговатый, две двери, восемь окон. Детей у Пантелеича много, все выросли, выучились и разъехались кто куда. Теперь дом, почерневший, обветшалый и разошедшийся, походил на гроб. Почти все окна заколочены. Только два окошка, как пара подслеповатых глаз, остались зиять мутными заклеенными стёклами в оправе серых наличников. Здесь в комнатухе-горенке доживал век старый Пантелеич со своей супружницей — бабкой Антониной.

Пантелеич слыл хозяином зажиточным. Работал в колхозе бригадиром, зарабатывал по крестьянским меркам достаточно. К тому же держал пчёл, мёд продавал. Ещё охотился — тоже доход. Было у него немецкое ружьё-двустволка «Krieghoff», первоклассное, дорогое. Пантелеич вернулся с этим трофеем с войны в сорок пятом. Тогда же вступил и в компартию.

Сашко и Николаха оставили машину на обочине возле металлической сетчатой ограды. Калитка оказалась запертой, но дыр и провалов в ограде было столько, что приятели без труда нашли лазейку. Они прошли через садик, где росли одичалые яблони и сливы. За садиком заброшенный огород. Здесь валялись обломки деревянных теплиц и ржавые подставки для ульев. Самих ульев уже не было, их украли два года назад мстинские пьяницы.

Сашко надавил на кнопку звонка у входной двери обшитого досками крыльца. Подождали минуту-другую. Никто не открывал. Теперь на кнопку нажал Николаха. Ничего, тишина. Сашко стукнул в дверь кулаком. За дверью послышалось шарканье, затем дребезжащий голос:

— Чего в дверь-то садить! Слышу всё... иду-то медленно! Ой, господи...

Дверь отворила бабка Антонина, низкая, согбенная старуха в вязаной кофте, поверх кофты засаленный ватник.

— Чего вам? — прошамкала она. — Мёда нет и не будет больше.

— Нам дедка нужен! — гаркнул бабке в ухо Сашко. — Дело есть!

— Чего кричишь?! — взвизгнула старуха. — Я всё слышу. Вижу плохо, а слышу хорошо. Проходите... Дедка заболевши сильно, вторую неделю лежит, не встаёт... Ой, господи...

Гости прошли в горенку, дурно пропахшую

карболкой и лекарствами. Комнатушку разделяла на две части дощатая перегородка.

— Кто там пришёл? — раздался из-за перегородки сиплый голос Пантелеича.

Бабка Антонина назвала гостей. Старик захрипел и как будто успокоился.

— Вам туда нельзя, — кивнула старуха на перегородку, — нечисто там.

— Сыро у вас, как в склепе, — поёжился Сашко. — Холодина какая. Не топите, что ли?

— Дров-то нынче нету совсем, — заскулила бабка. — Зиму ещё топили помалу. Бросим полешко и греемся у печки по очереди. А теперь дрова вышли, совсем нету. Ой, господи... Да вы садитесь, вот сюда, под образа садитесь.

Сашко и Николаха плюхнулись на тюфячный диванчик, прислонились к сырой стене. В горенке был полусумрак. Лампадка горела в углу у Спаса. Рядом со Спасом в дешёвых киотах святые чудотворцы Николай и Пантелеимон. Стёкла у киотов заиндевелые, как будто в изморози. Здесь же в углу, чуть в стороне, пожелтый портрет Сталина, тоже облещенный.

— Это вам, молодым, всё достаётся легко, — продолжала скрипеть бабка Антонина. — А ежели чего не купите, так украдёте.

— Да мы вообще это... — пробурчал Николаха. Сашко ухмыльнулся.

— Да знаю, — махнула рукой старуха и наклонилась к печурке. — Сейчас позатоплю, погреемся маленько. Вот у меня лучинка припасена, щепки... А дров совсем нету.

За перегородкой раздался хриплый стон Пантелеича:

— Антонина...

— Здесь я, здесь.

— Антонина, — сипел голос деда. — Скажи им... подымусь я, выйду...

— Куда тебе! Лежи! — заволновалась бабка Антонина. — Они тебя и так слышат, и ты их!

— А чего дров-то не купите? Денег, что ли, нету? — спросил Сашко и подмигнул Николахе.

— Чего? — переспросила старуха.

— Я говорю, деньги-то есть у вас? Или не хватает?

Бабка откашлялась, в горле першило от едкого дыма разгорающихся в печурке щепок.

— Живём среди леса, всё осиною позаросло, ольхой, а топить нечем, — ныла о своём стару-

ха. — Чтобы дровами запастись, нужно сперва заявление в сельсовет писать, борову этому. Так, мол, и так, просим столько-то... С этой бумагой найти лесника, чтобы он намерил леса. А его найти трудно, он все дни в лесу, к нему очередь. Так набегаешься с большими-то ногами... Ой, господи... Лесник после обмера начертит карту, какие тебе деревья положены. С этой, значит, картой в город ехать надо. Там очередь отстоишь, тебе ещё три бумаги выпишут со счётом. Оплачивать надо. Да в один день не успеть, на завтра опять в город. И всё бегом, на больных-то ногах... Поезда не ждут, вокзалы все снесены, от дождя, ветра постоять, подождать негде.

— Начальству-то, поди, вокзалы не нужны, — застенал Пантелеич. — И молокозаводы не нужны. Всё позакрывали, вредители...

Старик, недоговорив, зашёлся сухим кашлем.

— Так я говорю, у вас денег нету, что ли? — повторил Сашко. Николаха толкнул его локтем.

— А ты думал! — всхлинула бабка Антонина. — Мы сами дрова вывезти не можем. Нужно найти, кто заготовит, привезёт, распилит, расколет. Те лега дров в пять тыщ рублей обходится. На зиму, сам знаешь, не мене трёх телег надо. Помножь на пять тыщ! Пятнадцать! Их у пенсионеров, колхозников, инвалидов нету. У нас пенсия — две три тыщи. Чтобы жить в тепле, нужно полгода не есть ничего — умрёшь в тепле с голоду. А не купишь дров, будешь мало-мальски сыт, но всё равно околеешь, только с холоду.

— Холодомор! — провыл Пантелеич, мерно выводя каждый слог. Его голос отозвался гулким эхом во всём доме: в заколоченных клетях, на чердаке и в сенях. Тенькнули стёкла в окошках и киотах. Старик захрипел, потом отхаркался, словно пролаял.

— Совсем плох! — испуганно пролепетала бабка и перекрестилась на красный угол, трянула головой Спасу со святыми и Сталину.

— Надо бы его в больницу, — сказал Николаха.

— Так закрыли больничку-то нашу, — ответила старуха, собирая с пола щепки. — Нешто не знаешь? Главврача уволили три месяца назад за прогулы да пьянку. Нового обещали прислать, да не прислали. Потом пожарники привязались: нет, мол, в больничке сигнализации. Больных полагать и запретили.

— Да я не о нашей, — перебил Николаха. — В город дедку везти надо.

— В город не поеду! — просипел Пантелеич. — Здесь помирать буду!

Бабка Антонина покачала головой, покосилась на перегородку.

— И то верно, — прошептала она. — Мы уже умирать налаживаем, похоронное собираем.

Сашко поёжился, потом выпрямился, словно разминая затёкшие мышцы, глубоко вздохнул.

— Ну, ладно! — выдохнул он, хлопнув ладонями себе по ляжкам. — Если у вас сборы, пойдём мы, не будем мешать.

Николаха поглядел на Сашко недоумённо. Бабка Антонина перестала собирать щепки:

— Вот те раз! А говорили, дело есть. Зачем пришли-то?

— Да хотели знамя продать, — ответил Сашко.

— Но, видно, вам не до того.

— Какое знамя? — произнесла старуха, точно испугавшись.

— Колхозное знамя, — Сашко немного расстегнул лёгкую куртку, бархатная материя комком показалась у него из-за пазухи. — Парадное, красное, чистый кумач...

За перегородкой заворочался Пантелеич. Бабка Антонина насторожилась:

— Где ж вы его стащили?

— Что значит «стащили»? — вспыхнул Сашко. — Я председатель колхоза — убыточного, правда. Долгов у колхоза — уйма. Вот и распродаю имущество, чтобы долги покрыть. Это называется реструктуризация с целью ликвидации. Вот так!

— Докатились... — послышался слабый голос Пантелеича.

— До знамени, значит, добрались, — покачала головой бабка. — А ведь мы с этим знаменем-то на Первомай ходили, тружеников награждали, передовиков, детишек принимали в пионеррию...

— Ну вот и купили бы, раз оно вам дорого! — осклабился Сашко.

Раздался стон Пантелеича, слышно было, как лежбище его заходило ходуном.

— Не стыдно вам спекулировать? — спросила старуха.

— Прошли те времена, когда торговлю спекуляцией называли! — уверенно парировал Сашко.

— Хватит, понастрадались! — вторил Николаха.

— Это прежде, в Совдепии, лапшу на уши ве-

шали, внушали нам: «Кто стоит за торговлю свободную — тот торгует свободой народной!» — громогласил Сашко. — А теперь не так! Теперь справедливо, конкретно: хочешь жить — торгуй! Всё на продажу!

— Потому что бизнес! — брякнул Николаха.

— Именно! — кивнул Сашко. — Прежде задарма горбатились, за трудодни-палочки!

— Когда же ты, милоч, успел за трудодни-то поработать? — пожала плечами бабка Антонина.

— Пусть не я, — не унимался Сашко. — Другие горбатились до меня. И чего нажили? Шиш! А теперь кто хочет жить — тот работает и живёт хорошо. Только вкалывать надо много. Пахать!

— Федька Дудко цельными днями пашет! — отчеканил Николаха. — Так и живёт как человек!

— Не пашет он, а торгует! — выпалила бабка Антонина. — У нас давно уже никто не пашет и не сеет. Ежели б пахали да сеяли, так и жили бы по-другому.

За перегородкой послышалось натужное кряхтенье, затем стук об пол, скрежет, наконец раздавалось медленное, словно ползучее, шарканье.

— А нам по-другому не надо, — сказал Сашко и поднялся с дивана, выпрямился, едва не задев головой низкий потолок, заткнул за пазуху край знамени, застегнул куртку. — Нам по-другому не надо, потому что время теперь другое. Хватит в земле ковыряться.

— А хлеб где возьмёте? — изумилась старуха.

— Хлеб в магазине купим, — объявил Сашко. — Свобода торговли, великое дело! Конкретный товарообмен, равноценный: каждый покупает что хочет, продаёт что хочет.

— И знамя?

— И знамя, бабка, и знамя. Хотите, вам продадим. Или поменяем на что-нибудь.

В это мгновение в проёме между перегородкой и стеной показалась фигура Пантелеича. Дед возник из темноты как тень, сухой, мертвенно серый, словно обглоданная кость. Борода и волосы отливали лунной белизной. Жёлтая кожа обтягивала выступы скул, точно пергамент. Просторная холщовая рубаха прилипла к телу, открытый ворот обнажил впалую грудь. Едва держась на ногах, дед покачивался из стороны в сторону. В руках у Пантелеича дрожало ружьё.

— Вот, — улыбаясь, обратился к деду Сашко. — Можем знамя на двустволку поменять.

Глазницы деда под бугристым восковым лбом полыхнули яро. Беззубый рот открылся чёрной зияющей дырой:

— Выродки!

Дикий вопль отозвался в печной трубе страшным звоном. Старик направил двустволку в лицо Сашко. Бабка Антонина выронила щепки и отолбенела. Сашко обомлел. Николаха обмер.

— Выродки! — повторил Пантелеич и взвёл курки.

В ту же секунду Сашко попятился, оступился, и, беспомощно взмахнув руками, грохнулся назад, к входному порогу. Притвор распахнулся. Сашко кубарем вылетел в беспросветные сени и тотчас пропал из виду. В сенях загремели пустые вёдра. Отдалённо бухнула крыльчатая дверь.

Пантелеич перевёл стволы на Николаху и двинулся наступать. Николаха вжался в диван. Бабка Антонина всплеснула руками и громко ахнула.

— Молчи, дура, — шикнул Пантелеич, не глядя на старуху.

Бледный Николаха очумело уставился на деда. Он хотел было привстать, но ружейные стволы упёрлись ему в грудь. Николаха дёрнулся, щёлкнул затылком об стену и застыл.

— Знамя где? — просипел Пантелеич.

Николаха увидел дрожащий палец деда на спусковом крючке, открыл рот и что-то промычал.

— Где знамя-то? — повторил старик без угрозы, даже как будто с мольбою.

— У меня нет... — пролепетал Николаха, чуть кивнув на дверь.

— Не бреши!

Николаха помотал головой, дрогнул, замигал обалдело. Бабка Антонина всхлипнула. Пантелеич перевёл дыхание, мучительно откашлялся.

— Что же ты, паразит, напаскудил? — старик внимательно оглядел белое лицо Николахи. — Ты же, сучий потрох, колхоз разорил... Мы с твоим дедкой, покойником, пупы себе рвали без продыху, кровью харкали, колхоз подымали. В три горба работали, чтобы вы опосля в три глотки жрали! Когда вы, проглоты, нажрётесь только?! Ты, иудина кишка, поты дедовы продал, до знамени добрался. Чего молчишь?!

Пантелеич ткнул Николаху ружьём в грудь, тот судорожно задёргал кадыком:

— Не я...

— Не ты?! — взревел старик. — Всё хозяйство под корень сничтожил, последнюю сушилку с зерном сжёг! Не ты?! Земли городским пройдохам сбаврил. Фермы закрыл, мастерские. Людей мыкать горе погнал. Остатокшее разбазарил, пустил по ветру, промотал всё... Вертопрах! Плиты дорожные при коровнике были. Продал! Не ты?! Ворота с гаражей снял!

— Не я... — еле выговорил Николаха, — ворота — Сашко.

Пантелеич заколтыхался всем телом. Прикусив дёснами бескровные губы, он иступлённо трясся. Бабка Антонина запричитала. Николаха, ощутив боль в затекшей хребтине, скривился. Старик вдруг замолк, точно захлебнулся, и замер.

— Ты же, Колька, нелюдь, — просипел он. — Плесень ты земная. Я тебя казнить стану.

Николаха похолодел. Враз ему сделалось тошно. Он никак не мог осознать, не мог поверить, что может сгинуть в одночасье, так вот пропасть бестолково, ни за что ни про что, за какое-то знамя, будь оно трижды неладно. Ему стало горько от того, что он, здоровый бугай, словно какой-то паралитик, беспомощно распластался и дрожит перед этой сухой горбушкой, Пантелеичем, нелепо вцепившись дюжими ручищами в обшивку тюфяка. Он слышал за окнами птиц, видел потоки света и не мог представить, что ему, здоровому мужику, ещё утром мечтавшему о покупке новой машины, о поездке с женой Людкой «на юга», куда-нибудь в Турцию или Грецию, что ему теперь — карачун!

Николаха неуклюже заёрзал на месте.

— Права не имеешь, — пробубнил он, едва ворочая сухим языком. — Посадят тебя...

— Меня не посадят, — ответил старик, — меня скоро положат, спать положат в деревянном тулупе. И тебя, колхозопродавца, тоже. Конец суду... Приговор привожу в исполнение...

Пантелеич напряг палец на курке. В ту же секунду из горла его вырвалось бульканье, он надсадно закашлял. Ослабев, старик зашатался, качнулся вперёд. Стволы сползли Николахе на брюхо, тукнулись под рёбра. Теряя силы, Пантелеич опёрся о ружьё, будто о костыль. Бабка Антонина бросилась к старику, махом сбила стволы к полу.

Николаха очнулся, оцепенение прошло миготом. Он рванул с места — метнулся в сени. В густом мраке Николаха судорожно искал выход, бился головой о полки, сверху сыпалась рухлядь. Уже на крыльце остановился он отдышаться. Ярость ударила ему в голову. Николаха сжал кулаки и оглянулся. Где-то в глубине сеней, в чёрной бездне, вдруг почудились ему две башки, чудовищно громадные, с рогами и рылами. «Колхозопродавец!» — взревела одна башка. «Конец суду!» — взвыла другая. Николаха зажмурился и что было силы пнул ногой крыльечную дверь.

6

Сашко ждал приятеля на обочине возле «УАЗа». Он переминался с ноги на ногу, озирался вокруг и, вытянув шею, то и дело зыркал в сторону злосчастливого дома. Со стороны можно было предположить, что потерпевший аварию водитель растерянно ждёт подмоги. Мимо изредка пронеслись машины. Один грузовик приостановился: не нужна ли помощь? «Проезжай!» — отмахнулся Сашко. Завидев фигуру приятеля, Сашко приободрился, принялся делать знаки, мельтешить и дёргаться.

Николаха выбирался из сада. Он брёл неровной походкой, шатаясь от деревца к деревцу, шарахаясь от кустов, мотал головой, словно контуженый, часто оглядывался назад. Прелезая через дыру в ограде, Николаха зацепился одеждой за сетку, рванул резко и зло, грубо выругался. Наконец он дошёл до «УАЗа», привалился к машине, отдышался тяжело, с хрипом, отёр холодный пот со лба. Глаза его глядели дико и хмуро, на губах закоростела пена.

Сашко приобнял приятеля и осклабился. Николаха коротким рывком стряхнул руку Сашко, глянул на него исподлобья и полез в карман за сигаретами. Пальцы его заметно дрожали. Табачная пачка выпала на землю. Николаха, чертыхаясь, поднял пачку, выковырял сигаретину, ткнул её себе в зубы. Сашко дал огня.

— Ну, дедон! А! Ну, дедон! — стал заводиться Сашко, приплясывая на месте. — Привык, старый хрен, бригадирствовать! Не зря про него рассказывают... Он ведь раньше, когда бригадиром был, чуть что — сразу в мурло. Сталинист недобитый! Такие вот людям жить не давали...

Угрюмый Николаха молчал. Он курил нервно, затыгивался глубоко, будто высасывал из сигаретины дым. Сашко приосанился боевито, точно кочет, встал картинно руки «в боки».

— Ну ничего! — крикнул он, глянув на дом Пантелеича. — Нас так вот на арапа не возьмёшь! Осади, дедон! Не на тех наскочил! Это я конкретно говорю! Мы ходы знаем, не из пугливых!

— Угу, — фыркнул Николаха, — особенно ты.

Сашко бросил скакать, вытянул губы дудкой и часто заморгал.

— Что?! — поморщился он. — Что ты сказал?

— Чего слышал, — процедил Николаха.

— Да ты... ты что, думаешь, я струхнул и убёг! Да?

Николаха насупленно глядел куда-то в сторону, пускал дым из ноздрей медленно, поплеывал табачной крошкой. Сашко впился в него глазами:

— А ты видел, как он сунул стволы мне прямо в морду?! Конкретно — мне в морду!

Николаха, выпустив клуб махрового дыма, издал глоткой звук, похожий на глухое урчанье.

— Да я, чтобы ты знал, знамя спас. Понял?! — выпалил Сашко и отвернулся, будто с обидой.

Николаха покривился. Он дососал сигаретину до самого краешка, до тех пор, пока тлеющий огонёк не ожёг ему пальцы. Крохотный окурок отлетел в кусты. Туда сразу бросились пичуги, глупые птахи, охочие до дармового корма. Обманувшись, птичья мелочь с гомоном умчалась прочь, рассеялась по звонко-синему небу.

Сашко вдруг повернулся обратно, распылил рот до ушей, потрянул чубом заливчатски.

— А знаешь что! — гаркнул он. — Давай эту красную тряпку — ну, знамя — вот здесь бросим, на обочине, да нагадим на неё! А?!

— Зачем?

— А чтоб этот дедон, козлятник, вышел потом и увидел!

Николаха безрадостно поглядел на Сашко:

— Не надо. Да и не выйдёт он.

Сашко перестал зубоскалить:

— Это почему «не выйдет»?

— А он, сказал, спать скоро ляжет в деревянном тулупе. Навечно.

Сашко пожевал губу, на мгновенье задумался, но сразу оживился.

— Ну и чёрт с ним, — отрезал он. — А мы с тобой знаешь что? Мы с тобой эту тряпку сегодня загоним, а потом ка-а-к надерёмся! — Сашко щёлкнул себе по горлу и снова стал приплясывать.

— «Загоним», — хмыкнул Николаха.

— Загоним! — толкнул его в плечо Сашко с хохотком. — Конкретно загоним!

В эту минуту возле них притормозил автобус, старый горбатый «тарантас-буханка», белый в зелёную полоску. Сашко и Николаха узнали водителя. За рулём сидел Джохар, немолодой смуглый мужик, горбоносый, скуластый, с чёрными ястребиными глазами. Он работал водителем в школе: собирал по утрам ребятню из дальних деревень и возил их на учёбу.

Джохар высунулся из кабины, сдвинул на затылок кожаную кепку, прищурился, внимательно поглядел на «УАЗ».

— Э-э, болтать-колотить! — заулыбался он. — Сломались, да?

— Почему «сломались»? — раздражённо бросил Сашко. — Машина почти новая, семь лет. Чего ей ломаться?

Николаха кивнул Джохару, заложил руки в карманы брюк и отвернулся. Сашко развязно, вразвалочку, выступил перед автобусом. Джохар пожал плечами:

— А я думаю, болтать-колотить, чего стоят?

— Чего стоим? — выпятился Сашко. — Торгуем! Знамя продаём.

— Какой знамя?

— «Такой» знамя, — передразнил Сашко. — Красный бархат! Тыща рублей. Купишь?

Сашко вытащил из «УАЗа» знамя, развернул, развесил его на вытянутых руках, как тряпичник тряпье на базаре. Потряс полотнищем, показал, как играет бархат на солнце. Джохар склонил голову набок, цокнул языком, внимательно оглядел товар. Чуть шевеля губами, медленно, вполголоса прочитал он лозунги: «Мы придём к победе коммунизма... Да здравствует великий советский народ — труженик и победитель!»

— А вам самим, что, не надо? — спросил Джохар.

— Нам не надо, нам деньги надо, — объяснил Сашко. — Знамя колхозное. У колхоза долгов, как блох у собаки. Вот и продаём за долги. Бери, халат себе сошьёшь!

— Э-э, болтать-колотить, — закобенился Джохар. — Не куплю. Ткань плохой, старый.

Сашко зло сплюнул, матюгнувшись отрывисто, скомкал знамя и швырнул его на заднее сиденье «УАЗа». Джохар неторопливо завёл свою «буханку». С рыком и скрежетом автобус медленно тронулся, обдавая всё вокруг сизым смрадным выхлопом.

— Езжай, «болтать-колотить»! — процедил Сашко, провоявая взглядом Джохара. — «Ткань плохой»... Тьфу, чёрт нерусский! Да я бы тебе и не продал. Стану я знамя абрекам продавать!

— Зачем предлагал тогда? — мрачно усмеялся Николаха.

— А так, проверка! За ними, басмачами, глаз да глаз нужен.

Едва отбехав, автобус приостановился, словно забыл или потерял что-то на дороге. Из кабины высунулся Джохар.

— Эй, болтать-колотить! — крикнул он, обращаясь назад. — В школу знамя продай, музруку Смородину! У них, сказал, музей! Старый вещь, может, купят!

Джохар убрался в кабину. Автобус харкнул копытю, дёрнул вперёд и скоро исчез вдали.

— Без тебя знаем! — огрызнулся вслед автобусу Сашко.

Пора было ехать. Сашко юркнул за руль, ткнул ключ в стартер. «УАЗ» запыхтел на месте. Николаха грузно бухнулся на сиденье. Напоследок, не сговариваясь, оба разом оглянулись на дом Пантелеича. Дом хранил гробовое молчание. Дверь глухого крыльца осталась распахнутой и походила на вывалившийся язык. Ряд заколоченных окон, как слепые, белели перекрестами дощатых бельм. Только два окошка горенки из-под навеса нахлобученной крыши таращились на мир, точно исподлобья, пристально блюли за округой. Сашко погрозил дому кулаком и дал машине ходу. Приятели поколесили в сторону школы.

7

Хозяйственные строения, службы и угоды сельской школы располагались в центре станционного посёлка, за железнодорожным полотном. Просторный пришкольный двор опоясан низким штакетником. Всё вокруг выглядело ласково-зелёным. Ковёр нежной, едва

проросшей весенней травы, изумруд юной листвы деревьев и кустарников, — вся природная зелень сливалась с постройками, выкрашенными зелёной краской, в одноцветную массу. Лишь двухэтажное кирпичное здание главного учебного корпуса выделялось на общем фоне — белело штукатуркой, точно сахарная голова.

Сашко и Николаха прибыли в школу, когда уроки только-только закончились. Ребятишки в расстегнутых куртках, со сбитыми набекрень платками и шапками, пёстрыми стайками сновали по округе, суетливо резвились везде и повсюду. Сашко схватил за плечо какого-то мальчишку:

— Где у вас музей?

Мальчуган попытался вырваться, но Сашко держал его крепко.

— Там! — кивнул мальчишка в сторону главного корпуса. Получив свободу, паренёк отбежал в сторону и погрозил допросчику кулачком.

Перед школьным зданием чернел большой прямоугольник пашни. По свежей комковатой земле водил под уздцы каурюю кобылу мужик в потной футболке, в шароварах, заправленных в кирзовые сапоги. Мерно качая шеей, кобыла спешила за мужиком. За ней волочилась железная борона. За бороной скакало-прыгало наглое вороньё.

— Что, старый конь борозды не портит?! — заржал Сашко, обращаясь к мужику. «Не мешай!» — на ходу отмахнулся мужик, угостил каурку кнутом и зашагал ещё быстрее.

У входа в школу Николаха заартачился, затоптался на месте, будто упрямый жеребец. Он достал сигареты, стал шарить по карманам, отыскивая спички. Всем видом он выказывал нежелание идти дальше. Тотчас появилась уборщица, мощная баба, вооружённая шваброй. Уборщица выбрала Николаху и запретила курить у школьного крыльца.

— А ты лучше не лайся, — сказал бабе Сашко. — Лучше скажи нам, где найти Смородина.

— Аркадий Петрович на втором этаже, в музее, с ребятами песни учит, — ответила уборщица. — А курить всё равно нельзя! Дымят как паровозы, а потом дети кашляют!

Сашко цыкнул на бабу и потянул за скобу железную дверь. Следом за ним в школу поплёлся Николаха. Они прошли просторный пустой вес-

тибюль и по широкой лестнице, выкрашенной коричневой масляной краской, поднялись на второй этаж. По долгому коридору разносилось эхо хорового пения. Из приоткрытых дверей школьного музея раскатисто звучали пассажи аккордеона и детские голоса:

*По-о-расти, по-о-расти бьльём, бывое,
По-о-расти, по-о-расти всё трын-травой...*

Сашко заглянул в музей. В глубине светлой залы фронтом к дверям стоял детский хор. Пению аккомпанировал учитель музыки Аркадий Петрович Смородин, немолодой, но крепкий как груздь мужчина, подтянутый, гладко выбритый, с острым пронзительным взглядом узеньких глаз. На голове его сидела плотная, кудреватая шапка чёрных с проседью волос.

Дети сразу заметили постороннего дядьку. Иные перестали петь и захихикали. Скоро хор сбился с такта. Аккордеон, не закончив фразу, замолчал. Аркадий Петрович, сидевший спиной к дверям, обернулся. Сашко растянул рот в улыбке, поздоровался. Смородин, освободившись от ремней аккордеона, отложил громоздкий инструмент и отпустил детей на перерыв. Хор рассыпался, ребятня в мгновение ока вырвалась из залы, едва не сбив взрослых гостей.

Аркадий Петрович подошёл к дверям. Он узнал Сашко. Узнал и Николаху, который когда-то учился в этой школе.

— Никак музеем интересуетесь? — спросил Смородин, всматриваясь в лица посетителей.

— Да есть маленько, — ответил Сашко.

— Очень приятно, очень, — заулыбался Аркадий Петрович, приоткрывая ряд мелких зубов, глаза его совсем превратились в щёлочки. — Очень приятно, что колхозное руководство обратилось, так сказать, к местной культуре. Проходите, прошу.

Сашко и Николаха вошли в зал, залитый солнечным светом. Яркий свет бил сквозь чистые стёкла огромных окон. Стены музея были увешаны фотографиями в старых деревянных рамках. Ослепительные блики играли на поверхности застеклённых рам. По высокому потолку бегали солнечные зайчики.

Посетители остановились напротив большой пожелклой фотографии, висевшей в центре экс-

позиции. Старый снимок являл собой панораму станционного посёлка, строгой линией вытянутого вдоль железнодорожного полотна. Аккуратные постройки, ладный перрон, выкошенные газоны и даже длинная ровная поленица дров — всё говорило о какой-то далёкой, безвозвратно ушедшей, теперь почти уже сказочной эпохе.

— Вот, — указал на фото Смородин. — Наша станция сто лет назад.

— Да ну! — воскликнул Сашко, его голос бухнул эхом в потолочной выси.

Николаха также удивился:

— Точно, она самая. Вот и башня водонапорная.

Надпись под панорамой гласила: *«Станционный посёлок возник в 1886 году при строительстве железной дороги, имел 8 дворов, 34 жителей, оптовый винный склад, трактир, буфет, 3 мелочные лавки. В 1892 г. открыта церковно-приходская школа».*

— Да, жили люди! — вздохнул Сашко. — Могли себе позволить.

Аркадий Петрович охотно поддержал интерес гостей:

— Да, жили, — замурлыкал он сладким голосом. — До 1917 года наша станция занимала третье место в уезде по количеству грузоперевозок в год. При этом три четверти от всех вывозимых грузов были дрова, лесные и строительные материалы.

— Третье место! — покачал головой Сашко. — Жили люди, свободно жили, конкретно. Торговали свободно: каждый покупал что хотел, продавал что хотел. А потом что?! Пришла советская власть и всё порушила. Ведь всё! Работать людям не давала... Скажи! — Сашко подтолкнул Николаху.

— Ну да...

— Потому и работать люди бросили, — попытал Сашко.

Смородин чуть сдвинул брови и поджал нижнюю губу:

— Не могу согласиться. То есть, конечно, некоторые, так сказать, перегибы были. Однако нельзя сказать, что в советское время никто не работал. Взять хоть ваш... ну то есть наш колхоз.

— Да ладно, знаю я, — скорчил мину Сашко. — Дармоед сидел на тунеядце да бездельником погонял!

— Не знаю, не знаю, — деликатничал Аркадий

Петрович. — Как же тунеядцы сеяли весной по полторы тысячи гектар различных культур? Сена готовили под две тысячи тонн, силоса — шесть тысяч. Вы говорите — дармоеды. Так ведь дармоеды, так сказать, обычно задарма едят. А ваш колхоз, то есть наш, две тысячи голов скота содержал, молоко сдавали государству — больше тысячи тонн, мяса триста тонн. Как же бездельники всё это могли?

Сашко сделал вид, что давится со смеху:

— Так ведь всё ж из-под палки! Скажи...

Николаха пожал из плечами и выдал что-то похожее на «угу». Смородин пристально поглядел на него, прищурился хитро:

— Из-под палки, говорите? — ласково пропел он и указал на дальний угол: — Прошу вас сюда.

Все прошли мимо ряда застеклённых стеллажей и витрин, самодельных, прочных, как старые дедовские комоды. Под стёклами видны были ордена и медали разных лет, старые документы и письма, грамоты и дипломы, поржавевшие наконечники от монгольских стрел, боевые каски и фуражки, штыки и пустые пулемётные ленты — достопамятные «осколки» прошедших войн. В дальнем углу музея, на самом «красном» почётном месте, обширным иконостасом размещалась галерея местных героев. На фотопортретах, цветных и черно-белых, ветхих и подновлённых, остались навечно образы лучших жителей здешней округи: мужчин и женщин, в старых царских шинелях и в советских гимнастерках, в холщовых рубахах и в диагоналевых пиджаках, с наградами и без... Смородин остановил гостей у галереи и указал на один портрет:

— Вот, — сказал он, снова обращаясь к Николахе: — Узнаёте? Это ваш дед.

Николаха уставился на серую фотографию с надписью: «*Торопов Иван Павлович, 1903—1974, участник Ржевской битвы, передовик колхозного движения*». Со снимка смотрел средних лет крепкий мужчина в солдатской гимнастерке с погонами, в аккуратной шапке-ушанке. На груди медаль и орден Красной Звезды. Широкое лицо солдата выражало спокойную, сдержанную уверенность. Тонкие губы упрямо поджаты, чисто выскобленный волевой подбородок слегка выступал вперёд, ноздри прямого носа чуть раздуты, ровные дуги густых бровей окаймляли небольшие светлые глаза под набрякшими веками.

— Ваш дед, Торопов Иван Палыч, был замечательным человеком, — сказал Смородин. — После войны работал в колхозе простым конюхом. Однажды ночью из конюшни воры увели племенного жеребца, породистого, заводского. Этого жеребца колхоз приобрёл с большим трудом, последние, так сказать, деньги отдали.

— Сторож, наверное, пьяный был, — усмехнулся Сашко. — Понятно, не своё же охранял.

Николаха зло покосился на Сашко и пихнул его локтём.

— Нет, старика сторожа оглушили и связали. Его ваш-то дед и освободил, когда пришёл рано утром в конюшню, — невозмутимо ответил Аркадий Петрович. — Тогда Иван Палыч погнался по следам грабителей и настиг их за тридцать километров от нашей округи. Бандитами оказались цыгане, человек десять. Они набросились на Иван Палыча с ножами. Завязалась драка. И представьте себе, деду вашему удалось отбиться от них. И жеребца вызволил, и в конюшню его вернул. Да, сильный был человек, отважный. Собственной жизнью рискнул, чтобы народное добро отстоять. Его потом наградить хотели, но он отказался: не понимал, как можно награждать за обычное дело. Скромный был человек, совестливый. Вот так. А вы говорите — «из-под палки».

Николаха плохо помнил деда. Иван Павлович умер, когда ему исполнилось восемь лет. Позже бабка иногда, по случаю, показывала молодому Николахе фотографии деда. Какие-то дедовские снимки «сидели» в большой раме общесемейного набора фотокарточек. Потом бабка умерла. Затерялись фотографии. После ремонта исчезла куда-то и общесемейная рама.

Теперь Николаха внимательно рассматривал лицо деда на школьном портрете, медленно, с любопытством переводил взгляд с одной черты на другую. Оглядел военную форму, награды. Непроизвольно, само собой как-то, полезли Николахе в голову вычисления: сколько было деду лет во время войны? Выходило, что примерно столько же, сколько и ему сейчас. Эта мысль показалась Николахе очень занятой. Вот, думалось ему, глядят друг на друга не просто родственники, дед и внук, но и ровесники. Только разница между ними — в шестьдесят пять лет.

Дед остался в памяти Николахи совсем другим, не таким, как на портрете в музее. Он пом-

нил его рослым, жилистым стариком, с могучей, покато-сутулой спиной. Лицо деда было такое же широкое, как на фото, но уже морщинистое, и волевой подбородок кололся седой шершавой щетиной. Бывало, бабка пичкала маленького Николку кашей, а он не хотел — крутился, вертелся у бабки на коленях, словом, капризничал. Тогда появлялся дед и, грозя внуку пальцем, говорил с напускной строгостью всегда одни и те же слова: «Ехал грека через реку, видит грека — в реке рак...» Маленький Николка не мог знать, кто такой грека и зачем он ехал через реку. Но дедовы слова звучали внушительно и всякий раз оказывали действие... Когда Николка подрос, дед стал брать его с собой на реку купать колхозных лошадей. Красивые, могучие лошади с резким ржанием и фырканием заполняли заводь, громко пили воду, толкали друг друга мокрыми, лоснящимися телами, топтались на месте, поднимая со дна ил и песок. Дед принимался холить лошадей: гладил их по гриве, тёр им шёлковые бока травой. Здесь же в речной мути резвился Николка. Он нырял с закрытыми глазами и долго держался под водой. А когда выныривал, то дед притворно ахал: где мой внук? Николка заливался смехом: «Деда, а в нашей реке раки есть?» Дед кивал головой: есть, мол, есть. «А грека где же?» — не унимался Николка. Дед загадочно улыбался. Быть может, он и сам не знал, кто такой грека... Однажды Николка чуть не утонул: нырнул в воду, запутался ногами в траве, бился-бился — а не вынырнуть. Его сковал ужас, он попытался крикнуть и, глотнув воды, стал захлёбываться. В тот же миг он ощутил, как сильные руки подхватили его за бока, вырвали из воды и поставили на земную твердь. С хрипом и плачем Николка отёр лицо от водорослей, распахнул глазёнки и увидел спокойные глаза деда...

Николаха задумчиво блуждал взглядом по портрету. Он поглядел деду в глаза и невольно отшагнул назад. Ему вдруг показалось, будто дед смотрит на него не просто строго, но и с каким-то пронзительным укором... «Значит, продаёте?» — послышалось Николахе.

— Не продаём, а меняем! — ответил Сашко Аркадию Петровичу, тряся перед ним знаменем. — Колхоз музею, стало быть, — знамя. А музей колхозу — тысячу рублей. Культурный обмен!

Николаха отвернулся от портретной галереи и, недоумённо захлопав глазами, старался теперь вникнуть в разговор Сашко и Смородина. По всему было понятно, что торг уже шёл давно.

— Нет-нет, — мотал головой Смородин, — это невозможно, решительно никак! Да и фондов, так сказать, свободных нет.

— Как же так?! — не отставал Сашко. — Сами про колхоз рассказывали, конкретно хвалили, а знамя колхозное в музей принять не хотите.

— Нет, вы меня неправильно поняли, — мягко улыбнулся Аркадий Петрович. — Принять мы можем. Но вот обменять, так сказать, на деньги, к сожалению, никак. К тому же и фондов нет.

В разговор неожиданным образом вступил Николаха. Ни слова не говоря, он забрал у приятеля знамя, аккуратно сложил полотнище в четверть и коротким движением затолкал его Сашко за пазуху.

— Ладно, идём... — проворчал Николаха и побрёл к выходу.

Сашко пожал плечами, сделал глумливую мину и также направился к дверям. За ними следовал Аркадий Петрович.

— Никак невозможно, никак, — повторял он, будто извиняясь. — Впрочем, постойте...

Сашко внезапно остановился, Николаха застыл в дверях. Оба обернулись к Смородину.

— Впрочем, вы можете предложить знамя нашему писателю, здешнему историку, — сказал Аркадий Петрович.

— Какому писателю? — заинтересовался Сашко.

— Васиянову Никите Андреичу, он живёт на выселках, — объяснил Смородин.

— А-а, — вспомнил Сашко, — это малохолный такой, придурковатый малость?

Аркадий Петрович деликатно улыбнулся:

— Да, он несколько странный, даже чудаковатый, но тратится на старину, охотно покупает предметы истории.

— Богатый, что ли?

— Да нет же, какое там богатство! Просто... чудака.

Хмурые Сашко и Николаха вышли в коридор, где со смехом и визгом гомонили дети, участники хора. Из дверей музея высунулся Аркадий Петрович, позвал хористов на репетицию, а вслед удаляющимся гостям сказал

громко, чтобы они «заходили ещё как-нибудь». Сашко на ходу через плечо буркнул что-то невнятное. Николаха ничего не ответил, пошёл к лестничному спуску без оглядки.

Когда приятели покидали школьный двор, здесь уже никого не было: ни шумной детворы, ни бабы-уборщицы, ни мужика-пахаря. Только вороны ковыляли по окраинам посеянной пашни, высохшей и обветрившейся. Вверху, на втором этаже корпуса, с треском распахнулось окно. Тотчас грянула музыка. Наигрыш аккордеона слился с детскими головами, песня зазвучала ладом:

*По-о-расти, по-о-расти бьлём, бьлое,
По-о-расти, по-о-расти всё трын-травой...*

Николаха брёл к машине молча, жевал сигарету, сопел и пускал носом смрадный дым. Сашко скакал рядом, приплясывал в такт музыке, то и дело подпихивая выбивающееся из-под куртки знамя.

— Да, осечка вышла! — крикнул Сашко. — Ну, ничего. Сейчас слетаем на выселки и загоним тряпку писателю.

Николаха поморщился от едкого табачного чада, выпустил углом рта сизое облачко.

— Как же я сам не догадался, — продолжал Сашко. — Надо было сразу к писателю ехать, он точно купит. — Сашко заглянул в угрюмое лицо Николахи: — Знаешь его? Ну, придурковатый такой: в старом картузе ходит, косоворотка у него, типа народная...

Николаха пожал плечами, съёжился, повёл шеей, точно бычок на привязи, засунул руки глубоко в карманы штанов и прибавил шаг. Сашко поскакал ещё быстрее, затараторил чаще:

— Мне про него Беляш рассказывал. Он к писателю этому в прошлом году в дом забрался. Так там, говорит, самовары, сковороды медные, прялки... В общем, хлам старый. Даже бутылки пивные есть, с гербами царскими, пустые, правда.

Николаха вдруг остановился:

— Слушай, а ну его к лешему!

— Кого, писателя, что ли? — Сашко тоже встал как вкопанный.

— Да не писателя, а знамя. Ну его к чертям собачьим! Проболтаемся так до ночи без толку.

Сашко задрал голову, поглядел ввысь. Вечерело, начался пятый час. Солнце помалу бледнело и клонилось на запад. На небе появились сиреневые облака, они медленно окружали светило со всех фронтов, затягивали тускнеющую лазурь небесной шири.

— Почему это «без толку»?! — воскликнул Сашко. — Писатель точно купит!

— Ну да, «купит», оттопырь карман, — хмыкнул Николаха. — Нормальные люди не берут, а придурковатый купит?!

— Потому-то и купит, что придурковатый! — засмеялся Сашко, потирая руки. — Вот и Смородин про него сказал: «чудак»!

Николаха хотел было что-то ответить, но, передумав, отмахнулся. Сашко хлопнул приятеля по плечу и стал шарить в карманах — искать ключи от машины. Они зашагали дальше.

Возле «УАЗа» крутилась собака — низкорослая, вислоухая, хвост колечком. Обнюхав колесо, дворняга задрала ногу и принялась сосредоточенно поливать автомобильные шины. Сашко заголосил, Николаха зарычал и схватил с земли палку. Оба бросились к машине. Испуганная псина пустилась наутёк.

— У-у, сука! — погрозил Николаха.

— Да нет, кобель, — поправил его Сашко.

Барбос отбежал на безопасное расстояние и зло забрехал на обидчиков. Сашко показал собаке зубы и полез в автомобиль. Николаха, перед тем как забраться в машину, прицелился, с размаху швырнул палку в пса, но дал промаху.

«УАЗ» шумно завёлся, выстрелил хлопком ядовитого газа в сторону дворняги и тронулся с места. Барбос залился пронзительным лаем, помчался за машиной. Быстро мелькая кривыми лапами, пёс преследовал автомобиль до самой околицы. Только когда «УАЗ» повернул на выселки, собака метнулась вдруг в сторону и исчезла в кустах.

8

Выселками называли старую деревню, настоящее обозначение которой никто теперь точно не помнил. От станции до выселков километра три-четыре по ухабистой, разбитой дороге. По сторонам от дороги поля, зарастающие древесным сорняком. Беззвучно в полях, тихо. Дав-

но не горланят здесь песни косари и жницы, не рычат тракторы, не мычит скотина... Чёрным крестом кружит над полями ястреб-стервятник, высматривает добычу. Рыская, бьётся, выскочит на дорогу волк — постоит, прислушается да опять побредёт в поля. Ищет волк поживу — зайцев, их здесь много расплодилось. На поросших тощим березняком взгорках, в топких заболоченных низинах обретается давно уже непуганая дичь: лисы, кабаны, рыси...

Раньше выселки были большой деревней с населением в триста человек. С полсотни домов тянулись вдоль Мсты-реки и упирались в подошву высокого кургана, обширного, крутобокого, похожего на гигантскую голову былинного богатыря, дремлющего тысячелетним сном. За лобастым курганом когда-то работал кирпичный заводик — длинный бревенчатый барак, возведённый рядом с глиняной ямой-карьером. Здесь крестьяне черпали глину, здесь же и обжигали её в самодельных печах.

Теперь выселки похожи на щербатый рот дряхлого старика. Полтора десятка утлых избушек столетней давности торчат почерневшими осколками среди покосившихся сараев и бань с проваленными крышами. Иные дома окружены серыми заборами, похожими на скелеты, иные без ограждений, но обросшие густым кустарником. Остальные дома осиротели, развалились и сгнили. Место кирпичного заводика за курганом заболотилось и заросло осинами. На самой вершине кургана недавно водрузили огромный поклонный крест. Он хорошо виден с любой точки обезлюдевшей округи.

Последний коренной житель выселков умер лет десять назад, и деревня превратилась в сезонное обиталище городских дачников, небогатых, а то и просто нищих. Бывает, сюда забредают на зимовье беспаспортные бедолаги. Они представляются участковому милиционеру «поэтами» или «художниками». Находят здесь временное пристанище и чернорабочие из южных стран.

— Стоять! — скомандовал сам себе Сашко и выжал тормоз, машина резко остановилась возле первого дома, стоявшего чуть поодаль от дороги при въезде в деревню. В окнах дома тускло горел свет, дверь веранды была приоткрыта.

— Ты чего? — протёр глаза Николаха.

— Пойдём спросим: может, здесь писатель живёт?

Приятели вылезли из «УАЗа», громко хлопнули дверьми. Разминая затёкшие члены, они уверенно зашагали к обитаемому жилищу. В доме послышалось оживление, какие-то тени суетливо мелькнули за грязными окнами. На пороге тотчас появился тщедушный мужичонка, смуглый, чернявый, с синей щетиной в пол-лица, в испачканной робе и в тапках на босу ногу.

— Вы кто, милиция? Вы милиция, да? — затрепал мужичонка, испуганно зыряка на гостей.

Сашко и Николаха переглянулись.

— А ты кто? — спокойно спросил Николаха.

— Я Ашот, бригадир, меня ваш Терминатор знает. Со мной рабочие живут, трое, все армяне, у всех документы есть. Мамою клянусь! — скороговоркой выпалил чернявый. — Если вы из милиции, то мы ничего не крали. Мамою клянусь, ничего не крали.

Сашко подмигнул Николахе, затем пристально поглядел в глаза Ашоту:

— Смотри, Ашот, на первый раз поверю! Но знай — у меня порядок конкретный: чтобы ухо остро, чтобы комар носу не подточил. Я этого не люблю! Понял?

— Мы живём тихо, — пролепетал армянин. — Спичку чужую не возьмём, мамой клянусь!

Сашко с улыбкой погрозил Ашоту пальцем:

— Ладно, ладно, расслабься.

Армянин замолчал, сделал жалкую мину и стал переминаться с ноги на ногу. Сашко вытащил из-за пазухи знамя. Ашот вздрогнул и сжался:

— Мамою клянусь, не мы украли!

— Цыц, не скули! — приказал Сашко и сунул знамя армянину под нос. — Говори: купишь?!

— Я всё понял, — обрадовался Ашот. — Всё куплю, уважаемый! Заплачу сколько надо.

Сашко назвал цену. Армянин изобразил согласие, закивал бодро и пулей метнулся в дом. Его частые шаги простучали гулкой дробью по лестнице веранды. Вскоре в глубине жилища послышалась возня, затем шум перерос в гвалт: звучала гортанная разноголосица. Что-то бухнуло об пол, стёкла в окнах резонировали лёгким колебанием.

Сашко, открыв рот, прислушивался к отзвукам кутерьмы. Николаха сдвинул брови:

— Ты же говорил, абрекам продавать не будешь?

— Чего? — Сашко отвлекся от суматошного шума.

— Говорил, знамя абрекам не продашь.

Сашко недоумённо пожал плечами:

— Ну, говорил. Ну и что же? Это же наши абреки — армяне. Они нам почти как родственники.

Николаха усмехнулся криво. В этот миг снова застрочила дробь бойких шагов. На веранду выскочил Ашот. Он споткнулся о порог, упал, но тотчас вскочил.

— Мамой клянусь, были деньги! — затрещал Ашот как дикий, глаза его бегали испуганно: — Вазген в город поехал еду купить, все деньги забрал. Завтра деньги будут, всё будет... Твой товар возьмём, всё возьмём. Я — Ашот, меня ваш Терминатор знает! Не вру, мамой клянусь!

Не дослушав покаянной речи, Николаха развернулся и пошёл прочь, к дороге, где на обочине стоял «УАЗ». Сашко с досадой поглядел на Ашота:

— Ладно, на первый раз прощаю, — процедил Сашко, убирая за пазуху знамя. — Но гляди, я тебя запомнил, я тебя на приметку взял.

Ашот умоляюще смотрел на Сашко, хлопал большими чёрными глазами, мелко тряс головой, как заведенный игрушечный цыплёнок.

— Смотреть в оба! Понял?! Чтоб и муха здесь без спросу не летала! — приказал Сашко, наглухо застёгивая куртку.

Ашот ещё чаще затрясся. Он побледнел, и от того обширная щетина на его лице стала казаться иссиня-черной. Сашко огляделся по сторонам, потом сделал страшную физиономию:

— Будешь здесь моими глазами! Понял? И ушами! Обо всём подозрительном докладывать мне лично! — проговорил он низким голосом и, перед тем как уйти, спросил: — Кстати, где тут живёт писатель?

— Не знаю! Мамой клянусь, не знаю! — застрекотал Ашот. — Никого в деревне нет, почти никого. Только мы живём и какой-то мужик с бабой, девчонка у них маленькая. Мы на этом краю, мужик с бабой на другом краю, в самом конце. Мы их не знаем, они нас не знают.

Сашко чертыхнулся и поспешил догонять Николаху.

«УАЗ» промчался по выселкам, миновал рядок неказистых изб с заколоченными окошками и наконец докатился до последнего дома, едва не влетев в дорожную выбоину, развернувшись прямо напротив крыльца. Строго говоря, это была не самая последняя постройка в деревне — дальше виднелись ещё несколько, но все они были руинами, впрочем, довольно живописными. Этот же дом являл заметные признаки обитания. Внушительных размеров бревенчатая конструкция состояла из двух соединённых изб под одной крышей, покрытой разноцветными отрезками рубероида. Куски рубероида свисали с краёв и, колыхаемые ветром, походили на пятнистые лохмотья. Вокруг жилища ограды не было, если не считать обрывка забора, примыкающего к торцу слева и похожего на выступ или крыло. Разновеликие доски забора прочно крепились на жердях, протянутых между двух осмолённых столбов. «Крыло» упиралось в гигантскую елку. Здесь же, в заборе, была устроена калитка.

Окна дома обрамляли деревянные рейки, ветхие и посеревшие. Одно окно выделялось: рейки сорваны, вместо них меловыми разводами намечены контуры новых наличников. Над окном фигурным кокошником сидело деревянное очелье, неокрашенное и прибитое на один большой гвоздь. Стёкла всех окон сияли чистотой. За стёклами виднелись белые кружева занавесок.

Вход в дом обозначало покосившееся крылечко. Сверху крылечка лежали огромные пласты шифера, поросшие жёлтым мхом. Сбоку болтался на крюке украшенный разноцветными кляксами почтовый ящик. Перед крылечком торчали аккуратные кусты, почки на них уже зажигались салатно-зелёными огоньками прорезавшихся листиков.

— Наверное, здесь! — предположил Сашко, выключая машину.

— Только спроси сразу, купит или нет, — торопил Николаха. — Чего вола-то тянуть!

— Не волнуйся, спросим конкретно.

Как только они вылезли из машины, над забором показалась голова женщины в потёртой мужской кепке. Рядом с головой поднялись зубцы грабель. Сашко тотчас заметил женщину, заулыбался и подмигнул ей:

— Здрасьте, — крикнул он нарочито громко, — Васянов здесь живёт?

Женщина кивнула, поздоровалась тихо, будто со вздохом, приоткрыла калитку и высунулась наружу. На вид ей было лет сорок. Карие глаза смотрели внимательно, цепко. Заострённый нос выдавался горбинкой на веснушчатом лице. Сзади из-под кепки торчал хвост длинных волос, отливавших на солнце бурой хною. Невысокую, плотную женскую фигуру облегал чёрный рабочий балахон, подпоясанный кушаком. Полы балахона ниспадали на широкие штаны из серого плюша, подвязанные снизу верёвками.

— Васянов, интересуемся, здесь живёт?! — повторил Сашко.

Женщина насупилась, по лицу её мелькнула тень раздражения.

— Никита! — зычно крикнула она в сторону крылечка.

Внутри огромного дома послышалось буханье дверей. Затем грянули тяжёлые, но проворно быстрые шаги. Грохочущий топот приближался к входным дверям. Через миг лязгнул замок.

— Кто там, Василиса?! — на крылечко вышел средних лет грузный мужчина, широкий, большой, в выцветшей холщовой рубахе-косоворотке, без пояса выпущенной поверх мятых чёрных шаровар. Рядом с ним появилась девчушка лет восьми. Она прижалась к мужчине и стала с любопытством тарашиться на пришельцев.

— Да вот, — проворчала Василиса, — к тебе опять пришли.

Женщина поправила съехавшую на лоб кепку и, хлопнув калиткой, исчезла из виду.

— Мы к вам, Никита Алексеич! — осклабился Сашко, подходя к крылечку.

— Никита Андреич, — поправил мужчина.

— Ну да, конечно, Никита Андреич! — сказал Сашко, будто смутившись. Следом подошёл Николаха. Оба представились.

Васянов улыбнулся: губастый рот, окружённый усами и разбойничьей бородкой, расплылся, обнажив два ряда ровных зубов, толстый нос сделался похожим на крупную картофелину, жёлто-зелёные глаза сузились. Никита Андреич махом откинул со лба гривастую чёлку, посеребрённую ранней сединою, зачесал волосы назад и протянул гостям белую ладонь:

— Чем обязан?

— Мы по историческому вопросу, — нашёлся ответом Сашко.

— По историческому?! — обрадовался Васянов. — Тогда прошу! Категорически прошу!

Никита Андреич посторонился, пропуская посетителей в дом. Сашко потоптался на пороге, сделал вид, что вытирает ноги. Николаха торопливо ткнул его в спину.

По ступеням, скрипящим и пружинистым, все поднялись в просторные сени. Здесь явственно пахло древней прелью. На гладких, почти полированных от времени бревенчатых стенах висела всякая старовина: полусгнивший хомут, обитый кожей, увешанный потусклыми медяшками, облезлые коромысла и прялки с выцветшей росписью. На серой волосяной верёвке болталось коровье ботало грубой ковки. Всюду вдоль стен и по углам громоздились друг на друге столетние шкафы, сундуки и ящики. Центральное место в сенях занимал массивный деревянный стол, почерневший, раскохшийся, с толстыми, похожими на кувшины, ножками. Над столом возвышалось громадное зеркало в неуклюжей старинной раме, вымалёванной тёмной зеленью. Слюдяное стекло зеркала пестрело шербинами, кривилось разводами и уродливо искажало отражаемые предметы.

— Да у вас тут кино снимать можно, — оглядевшись, сказал Сашко. — Вон реквизиту сколько!

— Это ещё что! — подхватил Васянов. — Было ещё больше. Меня в прошлом году обокрали, целую коллекцию медной утвари вынесли: сковородки, самовары... Думаю, Беляш украл... Вы его, наверное, знаете.

Сашко покашлял в кулак. Николаха отвёл взгляд в сторону и стал глазеть на цветные двери, выдававшиеся яркими пятнами на фоне пожелтой старины. Всего в сенях было три двери: сиреневая, жёлтая и бирюзовая — все окрашены масляной краской, на всех детской рукой были выведены пёстрые ромашки.

Рассмотрев двери, Николаха поглядел вверх и увидел огромную зияющую дыру в потолке. Через пробоину открывался обзор на чердак, просторный и высокий. Во мраке чердачной выси, как звёзды на ночном небе, мерцали бесчисленные прорехи в крыше. Николаха ус-

тавился на дыру. Следом за ним задрал голову и Сашко. Хозяин дома заметил любопытство гостей.

— В прошлом году потолок обвалился, — объяснил он. — Дочка на чердак полезла, а доски-то, видно, жучок поел, вот они и рухнули. Хорошо, всё обошлось.

Девчушка прильнула к Никите Андреевичу, обняла его за широкий живот. Отец погладил дочку по русой головке.

— Всё никак руки не доходят дыру заделать, — сказал Васяинов. — Вот сейчас очерк дописываю по истории нашего края. Допишу, тогда уж и за потолок примусь. Это категорически!

— Ну да, правильно, — поддакнул Сашко: — Потолок и подождать может. Чего ему сделается? Другое дело — история! Здесь медлить нельзя. Здесь надо сразу конкретно — брать, так сказать, быка за рога и не тянуть вола! Вот и мы к вам, Никита Алексеич, по историческому вопросу.

— Никита Андрееич, — поправил Николаха.

— Вот я и говорю, — запнулся Сашко.

Глаза Васяинова заискрились, он распахнул сиреневую дверь.

— Проходите сюда, в мой кабинет, я покажу вам нечто интересное! — объявил он, заталкивая гостей в помещение.

Кабинет представлял собой узкую, продолговатую комнатушку. Над заваленным бумагами столом громоздилась в углу старая икона деревенского письма. Рядом со столом стояла этажерка с кипами книг. Против рабочего места располагалась деревянная скамья с резными перилами и спинкой. Под ней — изъеденные мышами сундучки и ящички. К скамье примыкал ветхий лакированный буфет чеховской эпохи. На стенах кабинета лепились друг к дружке жёлтые фотографии в дешёвых рамках.

Васяинов полез за буфет и, недолго пошарив, вытащил большой картонный лист. На картоне красовался цветной рекламный плакат, собранный из клочков и склеенный в одно целое.

— Вот, глядите, какое чудо! — восхищённо провозгласил Никита Андреевич, стряхивая с плаката паутину. — Реклама вековой давности! Я нашёл обрывки в одном заброшенном доме, склеил их. Теперь читайте!

Сашко и Николаха уставились на плакат, на котором были изображены разные пакетики с

семенами овощей и фруктов. Стали читать надписи: *«Семена Маутнера хвалит всякий. Австро-Венгрия, 1912 год. Для приобретения семян обращаться на склад в С-Петербурге»*. Васяинов погладил плакат:

— А! Каково?! Видите, какая культура была! Деревня, а семена покупали австрийские!

Николаха недоверчиво посмотрел на писателя.

— Теперь говорят, мол, русская деревня раньше тёмная была, нищая, забытая, — продолжал ликовать Васяинов. — А я утверждаю: чушь! Полная чушь! Категорически утверждаю!

Николаха набычился. Сашко пожал плечами. Васяинов передал плакат дочери, велел ей хорошенько очистить картонку от паутины и пыли.

— Да, друзья мои, — вздохнул полной грудью Никита Андреевич, — богат историей наш край!

— Да уж, — хмыкнул Сашко, — чем-чем, а историей богат.

— Вот вы удивляетесь! — хлопнул писатель Николаху по плечу.

— Да я не удивляюсь, — смутился Николаха.

— Нет, удивляетесь! — громко перебил его Васяинов. — А между тем ещё до летописных времён наша Мста являлась важнейшей геополитической областью. В качестве водного пути река упоминается в самом древнем летописном своде Руси, в «Повести временных лет»: «В год девятьсот сорок седьмой отправилась княгиня Ольга к Новгороду и установила по Мсте погосты и дани». Уже тогда Мста была одним из участков водного пути «из варяг в арабы». Вы «Повесть» читали?

Николаха отрицательно помотал головой и ещё больше нахмурился. Васяинов укоризненно поглядел на Николаху и на Сашко, потом расправил плечи, словно бы у него вдруг выросли могучие крылья, и принялся читать лекцию:

— За долгую свою историю наш край видел всякое, изведal многое. Дробили наши земли державные князья, делили их свободолюбивые бояре. Докатывались сюда волны татаро-монгольских орд, в жестоких схватках наталкиваясь на валы русских ратей. Эти места помнят тяжёлую поступь Ивана Третьего, силою объединявшего Русь, и его грозного внука, воевавшего с непокорным Новгородом. Важнейшие события, превратившие Московскую Русь в Российскую империю, отразились в исторической

жизни мстинской округи. Вместе с тем наш край вполне может служить не только историческим отражением судьбы России, но также и природным её олицетворением. Бывавший у нас знаменитый художник Илья Репин восторгался: «Это же земля обетованная! Это же сама Россия — вся душа её, вся прелесть!»

Заметив, что Сашко зевает, Васяинов прервал рассказ.

— Да что это я всё о своём! — осёкся он. — Ведь у вас, кажется, вопрос был исторический?

Сашко откашлялся и заявил громко, будто бы выступал с трибуны:

— Вот вы говорите о древности. А мы, как труженики села, интересуемся историей колхозного почина. — Сашко глянул на Николаху: — Верно говорю?

Николаха неопределённо пожал плечами.

— Друзья мои, — с пафосом воскликнул Васяинов. — Это грандиозная история! Категорически!

Писателя опять понесло. Взахлёб пересказал он сагу о колхозном строительстве в первые годы советской власти: о том, как революция упразднила частную собственность на землю и малоземельные хозяйства смогли получить недостающую пашню и покосы за счёт ликвидации имений, о первой мстинской сельхозкоммуне и о её первом председателе, некоем Евстратове, о том, как в 1924 году коммуна распалась и на её месте был организован колхоз, названный в честь чекиста Менжинского.

— Да что говорить, я вам сейчас раритеты покажу! — перевёл дух писатель.

Он бухнулся на пол, так, что в подполье что-то загремело, и полез ворошить содержимое в ящиках под скамейкой. Николаха дёрнул Сашко за рукав и стал резкими жестами выказывать недовольство. Сашко развёл руками, кивнул на писателя и покрутил пальцем у виска. Всю эту возню заметила дочь Никиты Андреевича. Девчужка хихикнула и показала дядькам язык.

Наконец Васяинов поднялся с колен и предъявил извлечённые из хранилища предметы: печать-колотушку, похожую на деревянную грушу, и железный циферблат от настенных часов. На грушевидной печати виднелись следы от мышинных зубов. На штампе значилась надпись: «Бригада И. Зорина. Колхоз им. тов. В.Р.Менжинского». На ржавом цифербла-

те изображены были колхозники в сатиновых рубахах и колхозницы в кумачовых косынках. Над ними реял лозунг: «Сделать всех колхозников зажиточными. И.В. Сталин».

— Я, знаете ли, люблю, чтобы всё было категорически жизненно, — заключил Васяинов, прижимая к груди циферблат с печатью, — люблю в предметах старины видеть правду жизни!

— Вот! — встрепенулся Сашко. — Золотые слова!

Николаха недоумённо поглядел на приятеля. Сашко нахохлился, взъерошил чуб гребнем.

— Золотые слова! — повторил он. — Но ведь вы, писатели, нам правду жизни не даёте! Где, я спрашиваю, правда жизни? Мы хотим знать правду жизни, но только настоящую, конкретную!

Никита Андреевич сначала несколько оторопел от такого пассажа. Но тотчас нашёлся, собрался и, отложив раритеты, стал потирать руки.

— Так-с, так-с! — Лицо Васяинова расплылось улыбочато. — Да это дискуссия! Хорошо!

Сашко продолжал заводиться:

— Вот вы говорите: «княгиня Ольга, Иван Третий». Так?

— Так! — подзадорил Никита Андреевич.

— А что нам с того? Где здесь конкретная правда жизни? Нету!

— Положим, — заложил руки под мышки Васяинов. — А где же есть?

— Что?

— Ну, конкретная правда жизни, где, по-вашему, есть?

— А мне почём знать, я не писатель! — отрезал Сашко и, не дав Васяинову и слово вставить, выпалил: — На часах ваших написано: «Сделать всех колхозников зажиточными». Так что, сделали? То-то! А вы нам: «Люблю в предметах старины видеть правду жизни!»

Никита Андреевич стал переваливаться из стороны в сторону, заколыхался всей массой тела, слегка пританцовывая, как боец на ринге.

— А вы, я вижу, спорщик! — с удовольствием заметил он. — Что касается предметов старины, то это я сказал так, в общем, фигурально выражаясь, для красного словца. Теперь о колхозниках. Они и жили бы зажиточно, если бы хозяйства не развалили.

— Кто развалил?

— Да сами же колхозники и развалили! — громко объявил Васиянов. — Развалили, поддавшись посулам дураков и бюрократов. Это категорически. Вот вам конкретная правда жизни!

Последнюю фразу Никита Андреевич произнёс особенно громко, выделяя каждое слово, точно прибавлял слова гвоздями. Сашко продолжал задорно горячиться:

— Вы говорите «колхозники развалили». А как было не развалить? Наш президент Ельцин сказал нам конкретно, чтобы мы стремились стать богатыми и заботились о собственном благополучии, тогда всё общество станет богатым и все будут жить хорошо. И мы хотели жить хорошо и богато! Хотели жить по-человечески, как в Америке! И мы стали стремиться, стали заботиться — каждый о собственном благополучии.

— И что?

— А то, — Сашко отёр рот от пены, — что в Америке колхозов нету! И нам они ни в кость ни в жилу! Давно пора было раздуванить всё по едокам, разделить добро — по куску на рыло. Вот колхозы и развалились. Потому что не было в них конкретной правды жизни!

— А что же было?

Сашко на миг запнулся, подыскивая ответ, но сразу выкрутился:

— Только материальные ценности!

— Которые быстро кончаются, если их делить по едокам! — съязвил Васиянов с усмешкой.

Сашко вдруг перестал горячиться, остыл, будто его обдали холодной водой.

— Да нет, — лукаво ухмыльнулся он, — кое-что из ценностей осталось.

— Любопытно, что же?

Николаха отчаялся ждать. Он давно перестал слушать, о чём говорят Сашко и Васиянов. Взгляд его блуждал неприкаянно по кабинету — без остановки, ни за что не цепляясь. Ему было мутно, в горле першило. Откашлявшись, Николаха буркнул, что выйдет покурить.

Выход на крылечко оказался запертым. Наугад Николаха толкнул другую дверь, жёлтую, и попал на крытый двор, сумрачный и сырой, пропахший навозом и ольховыми дровами. Дневной свет проникал во двор через распахнутый низкий

проём в дальнем углу. Оглядевшись, Николаха побрёл к свету и вскоре выбрался на вольный воздух. Он очутился на задворках.

Обширное задворье окружали со всех сторон непроходимые дикие кустарники. Из-за кустов высились колонны старых берёз, облепленных вороньими гнёздами. Кое-где среди зарослей виднелись покосившиеся деревянные столбики с обломками замшелых жердей. В отдалении стояла приземистая банька с узкими окошками и шиферной крышей. Перед банькой торчал из земли колодец, за ним — вкопанные лавки. Между лавками и колодцем ровными кругами лежали чистые булыжники и крупная галька. Каменные окружая обозначали клумбы. За банькой чернел извилистой лентой ручей. Водный поток убегал в топкое поле, утыканное кочками-хатками, и исчезал из вида в перелеске.

На задворках росли садовые яблоньки. Их белёные стволы ярко выделялись на фоне огорода, разбитого по участку тут и там бурыми пятнами. По меже, сутулясь, ходила Василиса. В руках она держала мотыгу. Николаха чиркнул спичкой и закурил. Василиса обернулась.

— Огородничаете? — спросил Николаха, за-талкивая в коробок обгоревшую спичку.

— Понемногу, — глухо ответила Василиса: — А вы из газеты?

Николаха медленно выпустил носом струйку дыма:

— Не-а, мы из колхоза.

Василиса понимающе кивнула, ткнула мотыгу в грядку, чёрной от земли ладонью поправила кепку. Тяжело вздохнув, она озабоченно уставилась на вскопанную почву:

— Не рано ли, думаю, картошку сажать?

Покряхтывая, Николаха неторопливо присел на корточки, запустил руку в прелый чернозём. Почва, сухая и тёплая на поверхности, холодила снизу стылой сырьё. Николаха сгрёб в горсть комья студёной земли, поднялся в полный рост, потряс ладонью, будто мерил землю на вес, затем махом бросил комья себе под ноги. Комья бухнулись о твердь, едва-едва раскрошившись.

— Тяжела ещё земля-то, — сказал Николаха. — Обождать бы пару дней.

Василиса поглядела на него с любопытством:

– Агроном?

– Да нет, – ответил Николаха, отирая руку о штаны, – отец учил.

– Ещё, говорят, землю для пробы жуют, – заулыбалась Василиса.

– То в старину было.

Внутри дома быстро зашлёпали шажки. На задворье вприпрыжку вылетела девчушка.

– Мама, мама, – зашебетала она радостно, – идём скорей, папа знамя купил!

Обомлев, Василиса выпустила из рук мотыгу.

– Какое знамя? – спросила она ледяным голосом.

– Красивое, со звёздочкой! Иди, сама увидишь!

Девчушка умчалась. Вмиг посеревшее лицо Василисы сморщилось, как печёное яблоко, руки повисли плетьюми. Женщина охнула, качнулась, будто опомнилась от мороки, рванула с места и, чавкая сапожищами по сырозёму, понеслась в дом. Николаха, на ходу пухнув окурком в лужу, последовал за ней.

Когда Василиса появилась на пороге кабинета, Никита Андреевич любовался покупкой.

– Это же раритет, категорически – раритет! – приговаривал он, ладя знамя к стене: – Здесь и водрузим!

– Раритет, ясен день, – поддакнул Сашко. – Одно сказать – конкретная реликвия! Да мы и не продали бы, но деньги нужны до зарезу.

Сашко пролистнул мелкие купюры и рулоном сунул их в карман.

– Так! – громыхнуло набатом с порога.

Васиянов отвлёкся от знамени, поворотил голову и увидел жену, за ней Николаху и дочку. Подбоченясь, Василиса скалою стояла в дверном проёме, лицо её мрачнело, в глазах сгушалась грозная хмарь. Она пристально, исподлобья глядела на мужа.

– Так! – повторила Василиса натужно. – Значит, последнее стратил!

Никита Андреевич переменялся в лице, слегка побледнел, замигал нервно. Знамя сползло со стены, бесформенным кулем плюхнулось на пол. Сашко также ошалел, сконфузился, напряг губы в глупой улыбке. Через миг-другой Васиянов пришёл в себя, приосанился.

– Василиса! – произнёс он нарочитым басом. – Я бы просил тебя...

– Значит, последнее стратил, ирод! – осадила его жена зычно.

Васиянов ошарашенно забегал глазами:

– Я бы просил выбирать выражения! Это категорически!

Василиса завопила дурным голосом, истошно и дико, зашаталась бешено, яровито, как вздыбленная медведица. Никита Андреевич попятился. Сашко, уловив момент, юркнул вдоль стенки, протиснулся боком, едва не задев хозяйку, и шмыгнул в двери. Николаха ждал его в сенях.

Задворками, через огороды, обогнув заборный обрывок и гигантскую ель, приятели кое-как выбрались на дорогу. Уже у машины они отдышались, перевели помалу дух, прислушиваясь к отзвукам со стороны писательского дома, словно бы опасались погони. В доме кипела свара. Сашко подмигнул Николахе, тот скисился устало. Оба влезли в «уазик» и ну давай ходу!

10

Сбыв с рук знамя, приятели разделили доход. Всего удалось выручить шестьсот пятьдесят рублей. Больше у писателя не оказалось. Шесть сотен разделили честно, по триста целковых на карман. Оставался полтинник – ни то ни сё – ни огарок, ни привар. Сашко предложил прикупить на остаток самогонки и распить её культурно, на природе. Сашко даже настаивал, потому что Николаха стал упираться, опасаясь по пьяной лавочке разбить машину. Однако Сашко пристал к нему, как муха к коровьему задку, прожужжал все уши, доказывая, будто «на рогах» он водит машину лучше, чем по трезвости. И Николаха отмахнулся от него, сдался.

Сашко знал винокура Лёню, одиноко и тихо жившего неподалёку от выселок, в такой же одичалой, почти пустой деревушке. Лёня приторговывал кустарной водкой, брагой и даже дешёвой сытой. Сашко подогнал машину к дому винокура, прямо к распахнутому окну. Из окна высунулся Лёня. Сашко заказал поллитра самогонки, пригрозив, что если ему продадут какую-нибудь дрянью, сивуху или пойло, то продавца ждут большие неприятности. Тихий Лёня не любил неприятностей.

Он вынес заткнутую бумажным пыжом бутылку белого, чистого самогона и побожился, что его продукт не хуже шотландских виски и даже лучше. В качестве прикупа приятели получили от винокура несколько луковиц. Сашко сунул Лёне полтинник, пожурился за спаивание «простого народа», и погнал машину обратной дорогой.

Вечер догорал. Уже неяркое солнце оседлало бахромчато неровную чёрную полосу далёкого леса, малиновой линией очертило пики елей и макушки лиственных великанов. Над тёмной сплошью леса от белого шара разливалось по небу вширь, во все края, жидкое золото с багровыми прожилками. Сверх золотого разлива тускло алело зыбкое марево, рассеянной, едва различимой границей, отделяя закат от необозримой выси всего небосклона, уже плотно заволоченного завесой смурых облаков.

С зажженными фарами «уазик» проехал опять по высадкам, теперь назад, в сторону станции. Лишь проносясь мимо писательского дома, Сашко притушил фары и на всякий случай надал газу. В доме, впрочем, было уже покойно.

Вся округа погружалась в дремоту. До слепой темноты ещё было далеко, однако сумеречная, мутная серость украдкой, незаметно наступала на мир, стелилась по земле лёгкой дымкой, окутывала постройки, превращая их в неясные пятна. Над плавной линией горизонта бурым горбом выступал былинный курган с крестом на челе. На полотне нежно закатного неба крест вырезывался четким контуром, словно бы перст божий начертал его здесь.

Приятели решили не терять времени зря и устроить привал на кургане. Свернув с дороги, остановили машину возле небольшого болотца. Дальше пошли пешком.

Под курганом зиял овраг, небольшой, но глубокий, поросший берёзовым молодняком. В низине кое-где в западинах ещё лежали шапочки талого снега, ноздреватого, слоистого. Сашко и Николаха обошли овражек и вышли на вал, предварявший подъём на курган. Перед ними открылась Мста. Николаха сбавил шаг, приостановился на миг, заглядевшись на реку, потянул ноздрями влагу. Сашко двинулся вперёд, нашёл удобный подъём и кликнул Николаху.

Поднявшись на кручу, они расположились у самого креста. Присели на бархатистую землю, подсушенную, обласканную внешней теплынью, обдутую верховым ветерком. Из-за пазухи, где прежде носилось знамя, достал Сашко самогонку, откупорил бутылку, выкусив бумажный пыж. Николаха расшелушил две луковицы.

Самогон пили прямо из бутылки. Сашко задрагил голову и, дёргая кадыком, сделал несколько глотков. Тем же манером хлебнул из горлышка и Николаха. От тёплого самогона Сашко крякнул, Николаху передёрнуло. Оба принялись грызть целиковые луковицы, как яблоки.

— Хорошо! — выдохнул Сашко, алкоголь растекался по его нутру, обдавал утробу приятным пылом.

— Чего «хорошо»? — чавкал Николаха набитым ртом, пережёвывая горькую закуску.

— Да всё хорошо! — просиял Сашко, глаза его заблестели. — Хорошо сидим, хорошо пьём. Погода — благодать. Знамя вот сбагрили — тоже хорошо. Жаль только, продешевили. Надо было с писаки побольше содрать.

Николаха перевёл помутневший взгляд на Сашко:

— Ты же говорил: он последнее отдал.

— Да ну, «последнее». Нашёл бы! — уверил Сашко. — Таких, как он, я знаю. Если загорятся на что зенки, так всё — пиши пропало! Из-под земли деньги достанут, хоть украдут, а купят.

Сашко предложил выпить ещё и начал паясничать:

— Давай жажнем за знамя!

— Да иди ты, — отмахнулся Николаха.

Сашко не отставал. Теперь в нём занялось угарное скоморошество. Кривляясь, он сделал слезливую мину, скуксился, словно плачущий ребёнок.

— Прощай, дорогое знамя! — подняв бутылку, провозгласил Сашко с притворным всхлипом. — Мы пронесли тебя с честью и гордостью. Конкретно пронесли! Нужда и голодуха заставили нас расстаться с тобой. Мы скорбим по утрате! Горе, горе-то какое!

Сашко отхлебнул самогонки, закусил, сунул бутылку Николахе и, корчась от смеха, затянул козлиным голосом «Вечную память». Николаха запрокинул поллитровку, забулькал жадно, большими глотками вытянул едва ли не весь са-

могон. Оторвавшись от бутылки, он отёр ладонью рот, хрустнул раз-другой луковицей. От выпивки на голодное брюхо Николаху сразу развезло, в пустых кишках подпекала луковая горечь. То ли самогон ударил не в ту жилу, то ли навалилась тугая усталость, но только сделался Николаха вдруг совершенно пасмурным, посерел лицом, ссутулится, отупел взглядом. Медленно поворотив литой, как у вола, шей, отвернулся он от Сашко, закурил и стал глядеть на реку.

Напротив, через реку, облепили высокий берег избы дремлющей деревни. Жилищ здесь больше, чем на выселках, — десятка полтора будет. За деревней, на задах, тянутся длинные хребты колхозных коровников, бревенчатых, подведенных под шиферную крышу. Добротные коровники, крепкие! Ставили их деды на совесть, как храмы. Думали: век простоят, детям-внукам послужат. Да, видно, не в коня был корм, обернулось всё бестолковым разором, мелким, вороватым. Пусты коровники, гуляет в них ветер. На ржавых верях скрипят обрывки сгнивших ворот, окошки забиты. Уже и шифер стали снимать, местами зияют дыры, проглядывают серые стропилины. Над крышами беспризорных коровников взметнулась в небо водонапорная башня. На ней широкой шапкой развисло гнездо аистов. Хорошо им здесь теперь — покойно, тихо. Не спугнёт их больше скотский мык, не потревожит людской говор. Аисту безлюдье мило. В докучный час затрещит аист клювом, защёлкает, расправит крылья, оттолкнётся да взмоет в самую высь, полетит-поплывёт над Мстою.

Течёт Мста-река из вечной дали и утекает в вечную даль. То движется она широкой чёрной лавой, неспешно, почти незаметно, беззвучно. То, круто обогнув какой-нибудь кряж, вдруг сузится, врежется коленным изгибом в берег, забурилит стремниною, застонет глухим гудом, пенной завертью умоет обрывистые края земли и каменные пороги. А после снова успокоится, раздастся вширь, как баба на сносках, разольётся полноводной гладью.

Течёт Мста-кормилица, рассекая землю надвое необозримо долгим, извилистым руслом. Со всех берегов, где холмистых, где пологих, по валам и старицам, по торным тропам и диким зарослям, спускается к воде всё живое. Поит река

зверя и птицу, питает их. Сотни лет орошает Мста заливные луга, самые лучшие, сочные, самые годные для скотины. Большое подспорье в крестьянском деле! Да ещё человеку подмога — щедро делится с ним река рыбой.

Течёт, течёт Мста-труженица без устали, неумоимо. Отражаясь, задумчиво скользят по ней облака, тянутся бесконечным караваном, как когда-то в старину ходили по Мсте караваны гружёных барок, с товарами, с лесом, с рудою... Сколько их перетаскала, перетянула за века могучая Мста — счёту нет!

Течёт святая Мста молитвенно тихо, безмятежно. Не только воду несёт река, но и пот, и кровь, и слёзы ушедших поколений. Слышала она песни пахарей и лязг ратных орудий. Труд и бой — известный удел человека. Слышала Мста моления и младенческий лепет — крестили здесь прежде детей, святили в Крещенье воду. Сколько тайн сберегла, сохранила река. Все печали, все радости людские — всё кануло во Мсту, как в Лету.

Николаха отбросил окуроч.

— Сволочи мы, — проскрипел он зубами, глядя вдаль.

Сашко перестал кривляться, поднял брови и оттопырил нижнюю губу:

— Кто-кто сволочи?

— Мы сволочи, — угрюмо повторил Николаха: — И я сволочь, и ты.

Сашко изобразил возмущение. Он попытался бойко вскочить, но разомлевшие члены плохо слушались хмельную голову. Сашко перевалился на бок, оттолкнулся от земли локтями и кое-как поднялся. Качаясь, он широко расставил ноги, руки сунул в карманы штанов, вытянул голову, потряхнув чубом, и таким петушиным манером встал во фронт перед Николахой.

— Хочешь себя сволочить, так и сволочи! — крикнул Сашко. — А меня-то за что?

Николаха недобро поглядел на Сашко:

— А за то, не ходи пузато! Понял?!

Сашко начал кипятиться нешуточно. Сухощавое тело его изогнулось, как гусиная шея, ноздри раздулись, глазки пыхали огнём и буравили Николаху.

— Вот ты и есть сволочь! — заорал он. — Конкретная сволочь!

Крик Сашко разлетелся, громыхнул по ок-

руге эхом, отозвался гулким раскатом за лесом. В деревне через реку забрехала собака, следом другая, потом ещё несколько собачьих глоток подхватили пустолай. Побрехав вволю, собаки угомонились.

Николаха медленно, тяжело поднялся, встал на ноги, уперев их в землю, как в сваи. Красными, остекленевшими глазами по-бычьи исподлобья уставился он на Сашко, сунул ему под нос квадратный кулак, узловатый и жилистый.

— Заткнись, балабол, не то съезжу враз по утиной сопатке! — зло просипел Николаха, чеканя каждое слово.

Сашко было дёрнулся, но, глянув на кулак, осёкся, присмирел затаённо. Желваки на скулах его заходили нервно. Закусив губу, он люто вперился противнику в переносицу.

— Тьфу, куркуль хохлацкий, — сплюнул Николаха. — И не лезь ко мне больше. Всё! Дела врозь.

Сашко не посмел ответить. Опустив кулак, Николаха развернулся неспешно, как тяжёлый морской сухогруз, и шатко побрёл к спуску. Уже на склоне курганного откоса он обернулся на ходу, рыкнул зычно:

— И машину вернешь!

— Да верну, подавись! — презрительно крикнул Сашко.

Вскоре Николаха исчез из виду. В застывшей

вечерней тиши было слышно, как он кряхтит и покашливает где-то в низине. Было слышно, как сухо щёлкнули ветки, как невнятно заворчал, зачертыхался Николаха, ступив, должно быть, не разобрав дороги, в какой-нибудь валяжник. С каждой минутой отзвуки удалялись, становились глуше. Наконец внезапно, как будто бы вскрикнув, взвыл Николаха песней:

*По-о-расти, по-о-расти бьельём, бывое,
По-орасти, по-о-расти всё трын-травой...*

Но пьяная песня не ладилась. Скоро она, захлебнувшись, потонула в сумеречном безмолвии.

Сашко пришёл в себя, вздохнул свободно, с лёгкостью. Почуяв кураж, расправил он плечи, обозрел округу хищно, прицельно. От реки потянуло ночной остудой, чистой, отрезвляюще свежей. Время было возвращаться домой.

Напоследок Сашко обошёл огромный поклонный крест, верх которого уже начал сливаться с густой темнотой, погладил лакированное древко.

— Да, живут же люди, — вздохнул Сашко. — Могут себе позволить...

□

Денис МИРОНОВ-ТВЕРСКОЙ

(наст. имя — Денис Александрович Миронов)

родился в 1972 г. в Ленинграде.

Писатель, журналист, краевед.

Автор ряда повестей, среди которых

«Судьба солдата забытой войны» (2006), «Звонарь» (2006).

Лауреат нескольких журналистских конкурсов,

а также международного конкурса «Литературная Вена» (Австрия)

и российского литературного конкурса

«Национальное возрождение Руси».

Обозреватель газеты «Советская Россия».

Сотрудничает с тверской газетой «Голос Удомли».

Живёт в Санкт-Петербурге.

В журнале «Север» публикуется впервые.

